DK
202
.5
Авал.

Сим. Авалiани.

ВОЛНЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

БИБЛІОТЕКА
МОСК. ГЛ. АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТР. ДѢЛЪ
Отдѣлъ 8с № 14835

DK
202
5

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1912.

6K

ПРОВ. 22
DK
202.5
Библиотека ООН
Академии Наук СССР
БИБЛІОТЕКА
МОСК. ГЛ. АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТР. ДѢЛЪ
Отдѣлъ 90 № 14835

Волненія крестьянъ въ царствованіе императора Александра I [1]).

(По архивнымъ матеріаламъ).

I. Общія замѣчанія.

Изучая крестьянскія волненія, мы не должны смѣшивать причинъ волненій съ поводами и предлогами послѣднихъ [2]). Поводъ, предлогъ къ неповиновенію и буйству—явленіе частное, мѣстное; они часто и сильно разнообразятся, какъ по мѣсту, такъ и по времени своего возникновенія; сплошь да рядомъ внѣшній поводъ къ волненію можетъ быть признанъ мелочнымъ, неосновательнымъ, даже несерьезнымъ, а потому сужденія объ явленіи лишь по поводамъ возникновенія могутъ быть односторонни, поверхностны, даже ошибочны. Крестьянскія волненія на протяженіи цѣлаго столѣтія въ основѣ своей имѣютъ глубочайшую общественно-экономическую причину—это крѣпостное право, экономическое и юридическое порабощеніе личности со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями, крѣпостное право, какъ сложившійся юридическій институтъ, крѣпкій болѣе обыч-

---

[1]) Настоящая статья составлена на основаніи архивныхъ документовъ изъ собранія проф. А. Е. Назимова, находящагося въ библіотекѣ Новороссійскаго Университета. Разрѣшеніе на использованіе матеріала получили отъ проф. И. А. Линниченко, которому приносимъ искреннюю благодарность.

За цѣнные совѣты и указанія считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ принести глубокую признательность В. И. Семевскому.

[2]) Н. Павловъ-Сильванскій—Волненія крестьянъ при Павлѣ I, сочиненія, т. II, стр. 154 и д.

нымъ правомъ и общественнымъ сознаніемъ, чѣмъ строгими юридическими нормами. Крѣпостное право, какъ явленіе общерусское, на всемъ огромномъ протяженіи Европейской Россіи имѣло свой опредѣленный общій ликъ, только условія отношеній между помѣщикомъ и крѣпостнымъ мѣнялись по мѣстамъ, оставаясь тѣмъ не менѣе явленіемъ специфическимъ. Гнетъ крѣпостническихъ отношеній порождалъ естественный протестъ противъ существующаго института, выливаясь въ болѣе или менѣе общія формы, въ особенности въ царствованіи Александра I. Общія формы, однако, не лишаютъ волненій крестьянскихъ своихъ индивидуальныхъ чертъ, вытекающихъ всегда изъ наличности своеобразныхъ условій, въ связи съ географическими, этническими и иными основаніями. Крестьянскія волненія начала XIX в., какъ и послѣдующаго періода царствованія Николая, [1]) имѣютъ огромное симптоматическое значеніе для діагноза ненормальнаго состоянія общественнаго организма.

Волненія крестьянъ въ царствованіе Александра I не отличаются ни страстностью, ни широтой размаха, какъ волненія предшествующаго или послѣдующаго царствованія. Въ теченіи этой эпохи мы имѣемъ дѣло съ постоянными случаями неповиновенія крестьянъ помѣщичьей власти и власти административной, когда таковая вмѣшивалась въ отношенія помѣщика и крестьянина и старалась водворить законный порядокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ виду исключительныхъ условій злоупотребленій власти помѣщьей или бѣдственнаго положенія крестьянъ, обычное неповиновеніе переходило въ бунтъ и возстанія, въ которыхъ принимали участіе многіе десятки и сотни крестьянъ. Такихъ бунтовъ и возстаній по нашимъ документамъ можно прослѣдить немного, большая часть ихъ падаетъ на крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Въ началѣ XIX в., въ царствованіе Александра I, крестьянскія волненія стали явленіемъ постояннымъ, хроническимъ. Такимъ образомъ болѣзненное состояніе, порожденное условіями крѣпостного права, приняло затяжную форму, требующую коренныхъ

[1]) И. Игнатовичъ—Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854—1863 гг., Минувшіе годы, 1908 г., №№ 5—6, 7. 9, 10, 11.

Ясинскій—Къ исторіи крестьянскихъ движеній въ Россіи.

средствъ для избавленія общества отъ тяжелаго недуга. Понятно, какое большое значеніе имѣетъ выясненіе условій и формъ крестьянскихъ волненій, отношенія къ нимъ самихъ крестьянъ и власти. Участники волненій всегда видѣли въ такой формѣ протеста единственный и правильный выходъ изъ положенія. Но волнующіеся крестьяне, какъ и позже, разграничиваютъ интересы своихъ господъ, помѣщиковъ и высшей власти, особенно императора; слѣдствіемъ этого были неоднократныя посылки „ходоковъ“, „повѣренныхъ“ въ Петербургъ для отысканія затерявшейся, утаенной правды. Что касается правительственныхъ властей, а также губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, на которыхъ была возложена обязанность слѣдить за отношеніемъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, то приходится въ большинствѣ случаевъ отмѣчать недостаточно вдумчивое отношеніе къ тѣмъ серьезнымъ явленіямъ, которыя развертывались на ихъ глазахъ, регулировать которыя они были призваны. Близорукое отношеніе къ причинамъ крестьянскихъ волненій приводило сплошь да рядомъ къ невозможнымъ положеніямъ. Административная власть, за небольшими исключеніями, старалась усматривать въ крестьянскихъ волненіяхъ злую волю, врожденную склонность къ бунтамъ и непокорству, вредное, „злонамѣренное“ внушеніе, въ лучшемъ случаѣ отвлеченное искаше свободы, между тѣмъ изслѣдованіе причинъ и поводовъ волненій, представляемыя тѣми же администраторами-слѣдователями, говорятъ о противномъ.

Находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ обнимаетъ довольно большой періодъ крестьянскихъ волненій— съ 1810 г. по 1819 г. Волненія охватили всю Россію [1]). Они

[1]) 1. Малороссія, Новохоп. у., сл. Воскресеновка, п-ковъ Слюсаревыхъ и и Поповыхъ. 1810 г., 2. Вологодск. губ., п-ка Яковлева, 1812 г., 3. Пермск. губ., заводск. крестьяне, 1812 г.; 4. Новгородск., Кириловск. у., п-ка Лѣскова, 1813 г.: Малороссія, Льговск. у., сл. Консля и Зогрящк., п-цы Анненковой, 1813 г.; Оренбургск., Бѣлорѣцк. заводъ Пашкова, 1813 г.; (3 случая); 5. Пензенск., Инсарова окр., д Гекашевъ-Помянъ, г. л. Обрѣзкова, 1814 г., Смоленск., гр. Каменскій, 1814 г.; (2 случая); 6. Полтавск., с Жуково, Стасовецъ, Кирьякова. 1815 г.; Тверская, Камышинск. окр, п-ковъ Вишневскихъ, 1815 г.; Рязанск., Скопинск. Коннозаводск. волости, с. Чернавъ, 1815 г.: Тамбовск., п-ка Иванова, 1815 г.; Оренбургск., Бузулукск. у., д. Самодуровка, Нагадкиной, 1815 г.: Пензенск, Краснослободск. у., с. Ефаево, Удѣльные кр., 1815 г.; Тамбовск., Моршанск., у., Му-

возникали безпрерывно въ теченіи 10 лѣтъ. Особенно интенсивнымъ по количеству случаевъ волненій былъ 1818 г., что объясняется слухами о ликвидаціи крѣпостного права. Несмотря на непрекращающіяся волненія, мы не можемъ, на основаніи наличнаго матеріала, установить связи и взаимодѣйствія между волнующимися крестьянами разныхъ уѣздовъ; такую связь скорѣе можно наблюдать въ вотчинахъ одного и того же владѣльца. Если иной разъ и можно говорить о вліяніи на крестьянъ извнѣ, то таковое во всякомъ случаѣ не имѣло значенія опредѣляющаго движеніе момента.

равьевой-Апостолъ, 1815 г.; Тамбовск., Засѣпкой, 1815 г.; Курск., Льговск. окр. Денисьева, 1815 г.; Пензенск., Мокшанск. окр., с. Купли, Мясоѣдовой, 1815 г.; Вятск., заводъ Яковлева, 1815 г.; Костромск., Костромск. у., Нерехтск. у., с. Никольское и Чернозаводское, гр. А. Головкина, 1815 г.; Смоленск., Липецк. удѣльнаго Прик., 1815 г.; Смоленск., д. Медвѣлокъ, удѣльн. вѣд., 1815 г.; Ярославск., Угличская вотчина, Демидовскихъ Вышнихъ Наукъ Училища, 1815 г. (15 случаевъ): 7. Новгородск. губ., Новгор. у., Бурегск. Удѣльнаго Приказа, 1816 г.; Слободск. укр., Ахтырск. у., д. Брянцовка, Логачева и Плачковскаго, 1816 г.; Воронежск., Сенявина, 1816 г.; Орловск., с. Красная Рыбница, Шуманскихъ 1816 г.; Курск., разн. п-ковъ, 1816 г.; Тамбовск., гр. Воронцова, 1816 г.; Орловск., Экономич. кр-не разн. деревень, 1816 г., (7 случаевъ): 8. Рязанск., Касимовск. у., Дурасова, 1817 г.; Минск., Давыдгородок., Л. Радзивилла, 1817 г.; Псковск. губ. и у., казен. кр-не, 1817 г.; Оренбургск., Бузулукск. у., Дертавина, 1817 г.; Псковск., Опочецк. у., Воронежск. Удѣльн. Приказа, 1817 г. (5 случаевъ). 9. Воронежск., сл. Карабаново, 1818 г.; Тульск., Крапивенск. у., с. Рождествино, Лазарева, 1818 г.; Слободско-Украинск., Изюмск., у., Савинск. вол., 1818 г.; Саратовск., с. Репьевка, Волконской, 1818 г.; Симбирск., Наумова, 1818 г.; Гродненск., Глосевицк. староство, казен. кр., 1818 г.; Минск. п-цы Крашевской, 1818 г., Симбирск., Курмышск. у., Лазарева, 1818 г.; Воронежск., Острогожск. у.; сл. Морозовка, п-цы Тевяшевой, 1818 г.; Рязанск., Скопинск. у., Миллера, 1818 г.; Тамбовск., Спасской окр., с. Бутъ, камергера Гагарина, 1818 г.; Витебск., Полоцк. повѣта, имѣніе Червицы, 1818 г.; Тамбовск., с. Молчановка, Кирсановой, 1818 г.; Обл. Войска-Донского, 1818 г.; Симбирск., Ардатовск. у., с. Богоявленское, г. м. Тучкова, 1818 г.; Тамбовск., с. Заметино и Матгерка, об.-камергера Нарышкина, 1818 г.; Тверск., Вышневолоцк. у., с. Маковщина, п-ковъ Муромцева и Милюкова, 1818 г. (17 случаевъ); 10. Курляндск., Рижск. у., м. Ленсваденъ, 1819 г.; Калужск. губ. и у., Андроновск. вол., экономич. кр., 1819; Симбирск., Елагиной, 1819 г.; Курляндск., м. Грендзенъ, Воронежск., Старобѣльск. у., сл. Штормовая, гр. Стенбокъ, 1819 г.; Пензенск., Городищенск. у., с. Павловское и Архангельское, д. т. с. Куракина (6 случаевъ). Подробная статистика крест. волненій—Варадиновъ, Исторія Министерства Вн. Д., ч. I. II, кн. 1, 2.

Оно должно быть разсматриваемо, какъ одно изъ незначительныхъ слагаемыхъ въ числѣ другихъ большаго значенія. Наоборотъ, все говоритъ объ изолированности крестьянскихъ движеній: только въ основѣ всѣхъ крестьянскихъ волненій лежали изначальныя однородныя условія.

Архивные документы, правда, не всегда строго различаютъ крестьянскія волненія, бунты и простое буйство и неповиновеніе: квалификація этихъ состояній требуетъ еще многаго. Сплошь да рядомъ донесенія мѣстныхъ агентовъ административной власти сообщаютъ о крестьянскихъ бунтахъ, неповиновеніи съ серьезными угрозами, между тѣмъ обнаруживается простое возмущеніе, которое быстро и скоро улаживается; съ другой стороны, сообщеніе о незначительномъ неповиновеніи неожиданно разрастается въ донесеніе о грозномъ возмущеніи, сопровождающемся насиліемъ и кровопролитіемъ. Точная квалификація и разграниченіе бунта и простого недоразумѣнія не всегда представляется возможнымъ, ибо не всегда на лицо дѣйствующія причины, поэтому трудно вдаваться въ детали разграниченія понятій, тѣмъ болѣе, что между различными видами и формами проявленія крестьянскаго протеста разница качественная. Потенціальная причина волненія постоянна и въ любой моментъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, простое возмущеніе можетъ обратиться въ грандіозный пожаръ. Изученіе крестьянскихъ волненій имѣютъ то большое значеніе, что они особенно рельефно вскрываютъ язвы крѣпостного права, вводятъ насъ во внутреннюю обстановку этого института. Историческое изученіе крестьянскихъ волненій, помимо непосредственнаго интереса, даетъ еще безцѣнный матеріалъ для характеристики, если можно такъ выразиться, *общественной философіи* крѣпостного крестьянства и его правого самосознанія. Наконецъ, крестьянскія волненія даютъ возможность начертать *психологію* крестьянской массы, какъ собирательной личности. Конечно, пора для подобной работы еще не наступила, наличный матеріалъ въ обработкѣ недостаточенъ и слишкомъ отрывоченъ; существующія работы по исторіи крестьянскихъ волненій больше имѣютъ въ виду внѣшнюю обстановку, чѣмъ идейную подкладку. Еще болѣе настоятельной потребностью является изученіе крестьянскихъ волненій на всемъ историческомъ ихъ протяженіи: подобное

изслѣдованіе способно раскрыть *эволюцію крестьянскаго міровоззрѣнія и эволюцію крестьянской психологіи* въ общей исторической перспективѣ. Всѣ другія монографическія изслѣдованія должны играть роль лѣсовъ этого будущаго цѣннаго научнаго произведенія. О крестьянскихъ волненіяхъ въ царствованіе императора Александра I нѣтъ еще связнаго и цѣльнаго повѣствованія, между тѣмъ, именно, для этой эпохи такой трудъ имѣетъ большое научное значеніе. Мы съ своей стороны пытаемся въ этотъ недочетъ внести только посильную незначительную лепту.

2. Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Александра I.

Крестьянскій вопросъ въ первой четверти XIX в., въ Александровскую эпоху, является въ центрѣ общественнаго и государственнаго вниманія. Личныя мнѣнія и взгляды Александра I, идея освобожденія крестьянъ, не чуждая молодому императору, оживленное дебатированіе крестьянскаго вопроса въ серьезныхъ научныхъ трудахъ, публицистическихъ произведеніяхъ, глубокое вниманіе декабристовъ къ этому вопросу, либеральныя идеи представителей художественнаго слова, все это прекрасный показатель интенсивнаго направленія мысли въ сторону разрѣшенія крестьянскаго вопроса [1]). Между тѣмъ результатъ усиленнаго интереса къ крѣпостному праву слишкомъ ничтоженъ и не соотвѣтствовалъ первоначальному розмаху. Въ крестьянскую среду проникали кое-какіе слухи о реформаторскихъ стремленіяхъ и своеобразно въ ней преломлялись. Всѣ эти слухи въ крѣпостной средѣ подвергались *приспособленію* къ тому стремленію вырваться изъ-подъ гнета помѣщичьей власти, которымъ было охвачено крестьянство, а потому случайное слово, рѣчь пьянаго проходимца, ничего незначущая оффиціальная бумага, при-

---

[1]) В. И. Семевскій—Крестьянскій вопросъ въ Россіи XVIII в. и первой пол. XIX, т. I; его же—въ сб. Крестьянскій строй, т. I, стр. 169—241. Иконниковъ—графъ Н. С. Мордвиновъ—стр. 34—35; стр. 209—244. Романовичъ-Славатинскій—Дворянство въ Россіи, стр. 159—380—383. Дубровинъ. Послѣ отечественной войны, Р. старина, 1904 г., апрѣль, стр. 15—19; май, 255—259. Семевскій—Ник. Ив. Тургеневъ о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I, В. Европы, 1909 г., т. I. № 1, 2; его-же—Политическія и общественныя идеи декабристовъ. гл XI

обрѣтала въ массѣ крѣпостного населенія невѣроятное значеніе.

Въ царствованіе Александра I, „если не считать неудачной крестьянской реформы въ остзейскомъ краѣ, было очень мало сдѣлано для уничтоженія и ограниченія крѣпостного права. Самыми важными мѣрами въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать прекращеніе пожалованія населенныхъ имѣній въ полную собственность и указъ 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ; затѣмъ нужно упомянуть объ уничтоженіи правила „по холопу раба“, запрещеніе въ 1825 г. продавать трудъ своихъ крѣпостныхъ на фабрики и заводы, запрещеніе продажи крѣпостныхъ на ярмаркахъ (не прекратившемъ однако этого позорнаго обычая) и, наконецъ, объ уничтоженіи права помѣщиковъ отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу“. Правительство Александра I, особенно во вторую половину, не только отступило предъ рѣшительными мѣрами, не только не допускало свободнаго обсужденія крестьянскаго вопроса въ печати, но не разъ, наоборотъ, препятствовало членамъ дворянскаго сословія коллективно содѣйствовать улучшенію быта и освобожденію крѣпостныхъ [1]).

Законодательство царствованія Александра I неуклонно стремится право владѣнія крѣпостными сдѣлать исключительнымъ достояніемъ, привилегіей дворянскаго сословія. Въ 1814 г. запрещается владѣніе крѣпостными, какъ крестьянами, такъ и дворовыми, личнымъ дворянамъ. Законъ 1815 г. запрещаетъ аудиторамъ и другимъ чиновникамъ военнаго вѣдомства покупать крѣпостныхъ. Въ 1816 г. разрабатываются мѣры къ прекращенію укрѣпленія крестьянъ за лицами, не имѣющими на то права. Имяннымъ указомъ 21 февр. 1816 г., впредь до рѣшенія въ Государственномъ совѣтѣ, воспрещена была продажа крѣпостныхъ Донскимъ чиновникамъ для переселенія ихъ на войсковыя земли [2]). Въ жизни эти распоряженія и законъ очень часто обходили. Въ 1814 г. Феодосійскій градоначальникъ жаловался: что „сколько не ограничено существующими узаконеніями право пріобрѣтать крестьянъ

---

[1]) Семевскій—Сб. Крестьянскій строй, стр. 179, 184.; Середонинъ—Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ т. I, стр. 323.

[2]) Дѣло Деп. Полиціи Исп., Арх. № 881, 1815 г.

покупкою", однако купцы и даже иностранцы „оказываются владѣльцами россійскихъ людей подъ разными предлогами". Одни владѣютъ по закладнымъ сдѣлкамъ, т. е. имѣющій право владѣть, „продавъ крестьянина или крестьянку, не имѣющему на то право, даетъ бумагу въ томъ видѣ, что онъ будто бы въ обезпеченіе извѣстнаго долга передаетъ ему человѣка, предоставляя въ то же время право продажи онаго". Въ г. Одессѣ купцы, мѣщане, евреи, по разнымъ „изворотамъ" владѣютъ крѣпостными [1]). Попутно въ 1822 г. помѣщикамъ возвращено, пріостановленное въ 1802 г., право ссылки крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, но безъ зачета въ рекруты, а въ 1823 г., 1824 г. мѣстнымъ начальствамъ воспрещено изслѣдованіе основательности просьбъ помѣщиковъ о ссылкѣ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе; просьбы помѣщиковъ по даннымъ вопросамъ приводятся въ исполненіе губернскими правленіями безъ ограниченій лѣтъ ссылаемаго.

Опредѣленія закона о крѣпостномъ населеніи нерѣдко бывали недостаточны и не обнимали вполнѣ и всесторонне того, что развилось въ жизни; на этой почвѣ возникали всевозможныя злоупотребленія помѣщичьей власти, чему не мало способствовали неопредѣленность, неточность законовъ, регулировавшихъ крѣпостническія отношенія [2]). Особенно тягостны были для крестьянскаго населенія оброчныя повинности: что касается выработки нормъ оброка, то произволу помѣщичьей власти не были поставлены никакіе предѣлы. Достаточныхъ данныхъ для выведенія среднихъ размѣровъ денежнаго оброка нѣтъ. Г. Середонинъ полагаетъ, что во второй половинѣ царствованія Александра I „нормальный оброкъ съ тягла былъ около 70 р. въ центральныхъ Великорусскихъ губерніяхъ" [3]). В. П. Семевскій считаетъ эту норму высокой. Средній оброкъ въ 1790 г.=10—12½ р. „Если бы средній оброкъ возрасталъ въ это время пропорціонально съ цѣною хлѣба, то во второй половинѣ царствованія Александра I, онъ не долженъ былъ бы превышать 35 р. асс. съ тягла", но такъ какъ эксплоатація крестьянъ уси-

[1]) Дѣло Деп. Пол. Исп., 1814 г.

[2]) Романовичъ—Славатинскій—op. cit—стр. 306, 307.

[3]) Середонинъ—op. cit., т. I—стр. 348.

лилась, то, быть можетъ, возможно принять, что средній оброкъ [1]) въ нечерноземной полосѣ Великороссіи возросъ въ 1815—1825 г. до 50 р., но едва ли болѣе. Если принять эту цифру, по среднему курсу 1811—1825 г. 126 к., асс. руб., то это составитъ 13 р. с. съ тягла. Опредѣленіе средняго размѣра оброка можетъ показать, конечно, напряженность этой повинности, но по существу оно едва ли можетъ дать конкретную картину. Тяжесть оброка и поспльность всегда находится въ связи съ экономической состоятельностью крестьянскаго хозяйства, что представляло чрезвычайныя колебанія. Важнымъ здѣсь нужно признать неопредѣленность размѣровъ оброка, что ставило крѣпостныхъ крестьянъ въ безвыходное положеніе. Въ числѣ поводовъ крестьянскихъ волненій, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, жалобы на тяжесть оброка постоянны.

Въ экономической жизни крѣпостного крестьянства не меньшее разстройство вносило отсутствіе точной регламентаціи о размѣрахъ повинностей, отбываемыхъ крестьяниномъ въ пользу помѣщика. „Крестьянину не давай обрости, но стриги его, яко овцу до гола“ (Посошковъ), вотъ собственно основная руководящая идея, которая направляетъ и опредѣляетъ отношеніе помѣщика къ труду и собственности крестьянина. Извѣстный Павловскій указъ 5 апрѣля 1797 г., ограничивающій барщину тремя днями работы на помѣщика, не имѣлъ практическаго значенія. Хотя г. Трифильевъ на основаніи архивныхъ документовъ показываетъ, что въ царствованіе Павла правительство строго настаивало на исполненіи указа [2]), однако эти строгіе приказы не достигали цѣли и сплошь да рядомъ они нарушались. Крестьяне работаютъ на господина не только въ будни, но и въ празднич-

---

[1]) Данныя о размѣрахъ оброка см.—Снѣжневскій. Матеріалы для исторіи крѣпостного хозяйства, Дѣйствія Нижегородск. Уч. Арх. Ком., т. II, стр. 13, 14, 15, 21, 26, 27 Павловъ—Сильванскій—Сочиненія, т. II, стр. 161—163; прим. 1—3 къ стр. 162.

Семевскій—Крестьянскій строй, стр. 187—192, весьма цѣнныя свѣдѣнія.

Новалишинъ—Рязанскіе помѣщики, стр. 34, 59, 60.

Исторія Удѣловъ, т. II, отд. I, стр. 80, 87, 79, много данныхъ.

Середонинъ—Op. cit, т. I—стр. 332. 335, 336, 338, 348—349.

[2]) Трифильевъ—Очерки по исторіи крѣпостного права въ Россіи, стр. 293—302.

ные дни. Въ 1818 г. на духовныхъ лицъ была возложена обязанность слѣдить, чтобы помѣщики не лишали своихъ крестьянъ возможности „бывать въ церкви слушать слово Божіе“, но правительство увидѣло въ этомъ надзорѣ со стороны духовенства неудобство, ибо духовенство, занимающееся „сыскомъ для доноса“ можетъ потерять расположеніе къ себѣ прихожанъ и подвергнуться предосудительному мнѣнію, а потому это наблюденіе было передано свѣтскому начальству. Во взиманіи повинностей, въ виду чрезвычайной растяжимости этой обязанности, конечно, не было никакихъ границъ. Жалобы на „изнуреніе“ и „отягощеніе“ непосильными работами и повинностями слышатся на протяженіи всей имперіи изъ устъ всѣхъ волнующихся крестьянъ [1]). Жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, насиліе надъ личностью крестьянъ, истязанія и наказанія были явленіями слишкомъ обыденными, типичными и вытекали изъ факта безправнаго положенія крестьянина, для котораго всѣ ходы законной защиты были почти закрыты, а тѣ, которые были, не приводили къ цѣли и у крѣпостного оставался одинъ выходъ—это непосредственный протестъ противъ угнетенія, что облекается въ различныя формы и виды неповиновеній и волненій. Слишкомъ извѣстны факты жестокаго и насильнаго обращенія съ крестьянами, чтобы на нихъ останавливаться [2]). Подача жалобъ на помѣщика со стороны крестьянъ воспрещалась, однако крестьяне часто обращались съ своими жалобами. Если жалоба отъ многихъ крестьянъ поступала къ какому-нибудь администратору, то просителей безъ „разсмотрѣнія причинъ на жалобы“ считали за бунтовщиковъ и наряжали по этому поводу „слѣдствіе,

---

[1]) Подробности см. Середонинъ—op. cit., т. I. 337, 347—348, 327—328, 343—347, 335, 367—368 и др.

Новалишинъ—op. cit—40, 61, 63, 64, 70, 75, 233, 234, 235.

Семевскій—Крестьянскій строй. 192, 194, 195, 200, 203, 205, 206, 207, 185, 186.

[2]) Романовичъ—Славатинскій—op. cit—314.

Мордовцевъ—Наканунѣ воли, Архивные силуэты, т. 1, 21, 22, 24, 28, 29, 33, 34, 48, 183.

Середонинъ—op. cit—329, 332, 333—334, 324—325, 326, 336.

Новалишинъ—op. cit—90, 93, 91, 92, 104—105.

Дубасовъ—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края, в. 1 222—223, 229.

Свербеевъ—Записки, т. I—200, 207, 303.

съ перваго же шага подозрѣвая преступное возстаніе противъ власти, что такъ часто во время оно называлось бунтомъ", а слѣдователи, служащіе по выбору отъ дворянъ, особенно уѣздные предводители дворянства, „почти всегда тянули на сторону помѣщиковъ" и рѣдко крестьяне получали облегченіе [1]). Судебныя мѣста, которымъ приходилось разсматривать случаи злоупотребленія помѣщичьей власти, слишкомъ снисходительно относились къ дѣяніямъ помѣщиковъ, обрушиваясь всей строгостью закона на крестьянина. Судъ дворянъ надъ провинившимися дворянами, который пытался культивировать Александръ I въ началѣ своего царствованія, еще меньше могъ обезпечить интересы крѣпостной массы отъ всевозможныхъ покушеній и поползновеній со стороны тѣхъ же дворянъ—помѣщиковъ. Отдавая на судъ Ярославскаго дворянства дѣло Побѣдинскаго, Александръ I напрасно надѣялся, что *„въ недостаткѣ гражданскаго закона"*, заимствуя основаніе суда въ правилахъ чести, совѣсти и человѣчества, не дастъ оно (дворянство) въ немъ мѣста ни ослабленію, ни пристрастію" при опредѣленіи соразмѣрности дѣянію наказанія. Наиболѣе строгимъ наказаніемъ являлось наложеніе опеки на имѣніе помѣщика. По закону 1817 г. опеку можетъ наложить генералъ-губернаторъ, военный губернаторъ, управляющій гражданской частью, а гдѣ ихъ не было—дворянскія собранія. Однако въ опеку попадали имѣнія помѣщиковъ, которые переходили всѣ границы. Но не всегда преступное дѣяніе помѣщика находило должное возмездіе: помѣщикъ имѣлъ много средствъ избѣжать наказанія, къ тому же они чувствовали себя настолько независимыми и свободными въ своихъ дѣяніяхъ, въ предѣлахъ своего помѣстія, что часто пренебрежительно относились къ распоряженіямъ мѣстныхъ властей, поэтому не всегда оказывалось возможнымъ сломить упорство и своеволіе помѣщиковъ. Крѣпостная дѣвка тит. сов. Томашевичевой, Пр. Пузырева, жаловалась Ѳеодосійской полиціи, что помѣщица причиняетъ ей побои и заковала въ кандалы. Полиція потребовала подписку, чтобы помѣщица *„безъ вѣдома полиціи* людей своихъ не наказывала": въ дачѣ такой подписки помѣщица отказалась. 18 человѣкъ крестьянъ ниже-

---

1) Свербеевъ, т. II—49—50.

городскаго помѣщика Бобоѣдова жаловались въ 1810 г. Одинъ изъ нихъ показывалъ, что помѣщикъ выпудилъ у него 500 р. с. съ тѣмъ, чтобы не отдавать въ рекруты брата его, съ котораго онъ также требовалъ 1000 р., при этомъ билъ по два раза въ сутки палками и прутьями и, заковавъ въ желѣза, держалъ въ нихъ два мѣсяца. Другой каждый день терпѣлъ побои и въ одинъ день былъ наказанъ палками до 5-ти разъ, „бывъ привязанъ накинутой на шею глухой петлей, отъ чего онъ былъ полумертвъ". Помѣщикъ приказывалъ братьямъ бить палками престарѣлаго отца, а за неисполненіе сего сами биты до безчувствія; столь же безчеловѣчно наказываетъ помѣщикъ и другихъ крестьянъ: одну изъ дворовыхъ женщинъ по наказаніи палками, въ теченіе цѣлой недѣли во время людского обѣда и ужина, при видѣ всѣхъ людей приказывалъ каждый разъ бить по щекамъ по 40 разъ и „мазать нечистотой". „Поваливъ одного изъ своихъ людей, сгрызъ ему носъ". Изслѣдованіе стряпчаго губернск. угол. суда и земскаго исправника подтвердило основательность крестьянскихъ жалобъ и по Выс. распоряженію имѣніе было отдано въ опеку [1]). Помѣщики, на которыхъ поступали жалобы въ истязаніи и угнетеніи крестьянъ, часто отдѣлывались простымъ „внушеніемъ". Витебской губ., Полоцкаго Повѣта, дер. Жарца, повѣренные отъ крестьянъ жаловались въ 1814 г. на помѣщика Жабровскаго, который притѣснялъ крестьянъ своихъ за то, что они въ 1812 г. „добровольно сражались съ непріятелемъ" и за то, что по приказанію ген. отъ кав. гр. Витгенштейна 22 изъ нихъ дозволено носить на шляпахъ кресты, присвоенные для СПБ. ополченія. Полоцкій земскій судъ не считалъ наказаній крестьянъ „немилосердными", но бывшіе при наказаніи крестьянъ полицейскіе служители подъ присягой объявили, что Ж. наказывалъ крестьянъ „собственноручно плетью", приговаривая: „вотъ вамъ французы, вотъ вольность, вотъ вамъ крестъ". По мнѣнію исправника, крестьяне наказывались обыкновенной плетью „посредственно и умѣренно". Дѣло осталось безъ послѣдствій, губернатору внушили слѣдить за обращеніемъ помѣщика съ крестьянами [2]). Постановленіе

[1]) Дѣло Деп. Ю. Исп., 1810 г., № 339.
[2]) Дѣло Деп. Пол. Исп., 1814 г., № 731.

это состоялось 27 февр. 1817 г., а дѣло начато было въ 1814 г. Александръ I къ крестьянскимъ жалобамъ относился всегда очень внимательно, поручая разслѣдованіе случаевъ, вызвавшихъ жалобы, комитету министровъ. Очень часто, когда до свѣдѣнія императора доходили извѣстія о крестьянскихъ волненіяхъ онъ ставилъ вопросъ: не „доведены“ ли крестьяне до возмущенія жестокостями помѣщика? Правда, изслѣдованія причинъ неповиновенія, нерѣдко пристрастныя, не обнаруживали какихъ нибудь законныхъ нарушеній, но, безусловно, императоръ не оставался безучастнымъ къ жалобамъ крестьянъ. Г. Середонинъ сообщаетъ весьма любопытный эпизодъ, когда управляющій Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ внесъ въ комитетъ Министровъ предложеніе обязать крестьянъ, чтобы съ просьбами обращались крестьяне въ судебныя мѣста и не обременяли Императора. На это постановленіе комитета Александръ I положилъ резолюцію: „никогда подобныхъ подписокъ не дѣлать, въ коихъ бы изъяснялось, что запрещается приносить Государю просьбы“ [1]).

Страшнымъ и несправедливѣйшимъ фактомъ крѣпостного права являлась продажа крестьянъ. Ограничить торга людьми своими колеблющимися и нерѣшительными мѣрами правительство не могло. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи вопроса о продажѣ людей въ 1801 г., призналъ продажу людей „совершенно несоотвѣтствующимъ благотворительнымъ распоряженіямъ и великодушнымъ правиламъ“ Александра I. Не находя „точнаго и яснаго постановленія на продажу людей безъ земли“, тѣмъ не менѣе не счелъ Государственный Совѣтъ нужнымъ изданіе точнаго постановленія въ началѣ новаго царствованія, „когда простой народъ, всегда жаждущій свободы, по неразумію, часто самый малѣйшій поводъ къ ней принимаетъ за законъ, а потому выходитъ изъ повиновенія“. Въ 1804 г. Александръ приказалъ „запретить сей постыдный торгъ“: воспрещены въ 1822 г. публикаціи о продажѣ людей въ СПБ. Вѣдомостяхъ; въ томъ же 1804 г. для предупрежденія злоупотребленія при рекрутскихъ наборахъ запрещено отдавать въ рекруты крѣпостныхъ, которые прожили за помѣщиками менѣе 3 лѣтъ; 1808 г. воспрещается вывозить людей на продажу на ярмарки и торги; 1812 г.

---

[1]) Середонинъ—op. cit.,—353: ср. стр. 349—351.

выдача довѣренностей на совершеніе купчихъ на продажу по одиночкѣ и безъ земли, а въ 1813 г. установлена такса за особу м. п. 300 р., ж. п. 150 р.; 1815 г. воспрещены публикаціи при явкѣ купчихъ крѣпостей на крѣпостныхъ, продававшихся безъ земли и неотдачѣ ихъ на выкупъ, такъ какъ продаваемыхъ безъ земли нельзя считать недвижимымъ имѣніемъ: 1816 г. донскіе чиновники лишились права покупки людей для переселенія ихъ на войсковыя земли. Всѣ вышеуказанныя мѣропріятія мало достигали цѣли и торгъ людьми въ странѣ не прекращался. На то имѣются весьма серьезныя основанія. Прежде всего нужно отмѣтить конечно перѣшительность власти. Нельзя не обратить вниманія на продажность администраціи [1]). Ревизовавшій Новгородскую губ. сен. Миклашевскій въ 1814 г., нашелъ, что Казенная палата по Учрежденію о губерніяхъ, обязанная смотрѣть, чтобы не было запрещенныхъ съ народа сборовъ, „не можетъ по составу своему и по занятіямъ своимъ исполнять сего закона“. Земскіе исправники, къ которымъ должны обращаться крестьяне съ жалобами на мірскихъ головъ въ излишнихъ расходахъ, сами „большею частью участники съ сельскими урядниками въ излишнихъ поборахъ“. Обнаружено участіе земскихъ судовъ и др. чиновниковъ „въ поборахъ, похлѣбствѣ и лакомствѣ“ [2]). По Тамбовской губ. обвинялись въ корыстолюбіи, лихоимствѣ вице-губ. Вейсъ, губернскій прокуроръ кн. Колунчаковъ. „Сей послѣдній потерялъ уваженіе до того, что почти вовсе не въ состояніи дѣйствовать къ наблюденію справедливости“. Чиновники эти, производившіе 84 наборъ, обвинялись не только въ „безпорядкахъ, нерадѣніи, фальшивости, но и множествѣ отступленій отъ законовъ и злоупотребленіяхъ“ [3]). Одними бумажными распоряженіями нельзя было искоренить продажу людей еще и потому, что даже миролюбивые помѣщики, не злоупотреблявшіе своей властью, не могли отказаться отъ этого „постыднаго“ права. Крѣпостная эпоха съ ея неуваженіемъ къ человѣческой личности вырабатывала особую психологическую организацію. Даже такой гуманный помѣщикъ,

---

1) Д. Деп. Пол. Исп. 1816 г., № 671.
2) Дѣло Деп. Пол. Исп., 1813 г., № 287.
3) Ib., 1814 г., № 373.

какъ Д. П. Свербеевъ не могъ отрѣшиться отъ ужасныхъ понятій времени; „безъ розогъ, говоритъ онъ, дѣло не могло, конечно, обходиться, но это были обыкновенныя занятія управляющаго конторою", „и *лучшіе помѣщики* не могли не злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ"; самъ Свербеевъ сознается, что „за несвоевременный взносъ настоящаго оброка воспрещается, до совершенной его уплаты, бракъ въ домахъ и семьяхъ тѣхъ хозяевъ, на которыхъ окажутся недоимки: годные въ этихъ семьяхъ въ рекруты люди должны были мною отдаваться прежде очередныхъ". Сафоновъ, масонъ, сосѣдъ Свербеева, убѣждалъ послѣдняго крестьянъ „постоянно держать въ черномъ тѣлѣ" [1]). При такихъ понятіяхъ не могло быть никакихъ границъ для проявленія помѣщичьяго своеволія. Управляющій Кирѣевскихъ похитилъ у одной вдовы дѣвку; „дѣвку сію, писалъ онъ, какъ принадлежность мою, *ни за что* не упущу, хотя она сама по себѣ добраго гроша не стоитъ; но *надобна справедливость*". Дѣвка куплена родителями моими" (священникомъ Смоленской епархіи [2]). Несмотря на запрещенія, продажа людей идетъ весьма регулярно. Приведемъ одинъ случай. Жена колл. асс. Розлага въ 1806 г., въ Кіевскомъ у., продала донскому жителю за 90 р. родную дочь „*въ видѣ крѣпостной дѣвки*", и покупатель получилъ „вѣрющее отъ нея письмо, засвидѣтельствованное въ Кіевскомъ повѣтовомъ судѣ". Главный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ улики основательными, но мать „изобличенная въ продажѣ дочери ничѣмъ болѣе не наказана, какъ однимъ только выговоромъ". Главный судъ, не находя на этотъ случай точнаго постановленія, обязалъ ее запиской не дѣлать впредь ничего подобнаго [3]). Нѣтъ надобности говорить, какое впечатлѣніе могли оказывать подобныя постановленія судебныхъ инстанцій на всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ поползновеніе на совершеніе такихъ же дѣяній [4]). Положеніе крестьянъ заводскихъ, удѣльныхъ, если и имѣли нѣкоторыя выгодныя стороны, то въ общемъ

---

[1]) Свербеевъ—Записки, т. I, стр. 28—29, 151; т. II—33—34; 39, 40.

[2]) Чт. М. Общ. Ист. и Др., кн. I, 1910 г., смѣсь, стр. 7—8.

[3]) Дѣло Деп. II. Исп., 1810 г.

[4]) Какъ нѣкоторая часть дворянства смотрѣла на крѣпостное право, см. Дубровинъ—Послѣ отечественной войны. Русская Старина, 1904 г., январь, стр. 14—25, май, 255, 260—264, апрѣль, 15—19.

и они страдали отъ тяжести крѣпостного права, и они принимали участіе въ волненіяхъ.

Изслѣдователь экономическаго быта крестьянскаго сословія не можетъ игнорировать весьма важнаго вопроса о земельномъ довольствѣ крестьянъ въ царствованіи Александра I. Скудость матеріаловъ не позволяетъ дѣлать какихъ либо опредѣленныхъ выводовъ. По вычисленію г. Снѣжневскаго въ Нижегородской губ. на ревизскую душу приходилось съ 1790—1800 г.—2,8 д.; съ 1801—1810 г.—4,5 д., 1811—1820 г.—3,1—4,5 дес. [1]); 50% удѣльныхъ крестьянъ имѣли въ пользованіи въ среднемъ 3,03 дес. пашни, 0,73 дес. сѣнокоса, 0,60 дес. прочихъ угодій; а всего около 4,4 дес. удобной земли на душу, между тѣмъ при составленіи „Учрежденія объ Императорской фамиліи" предполагалось, подѣлить удѣльныхъ крестьянъ „вполнѣ обезпечивающимъ ихъ количествомъ земли" [2]). Крестьянское надѣленіе въ общемъ подвергалось сильнымъ колебаніямъ. Дѣлать опредѣленные выводы для эпохи царствованія Александра I нѣтъ возможности. Но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, изъ того что мы уже знаемъ о размѣрахъ крестьянскаго надѣленія въ эту эпоху, что надѣлы крестьянскіе не обезпечивали крестьянскаго хозяйства. Въ отношеніи земельнаго обезпеченія крестьяне находились въ весьма невыгодныхъ условіяхъ, въ виду отсутствія какихъ либо законно урегулированныхъ гарантій. Недостаточное земельное обезпеченіе, тяжесть оброчныхъ, барщинныхъ повинностей, грубое и жестокое обращеніе, недостаточная законная защита интересовъ крестьянской массы создавали, вмѣстѣ взятыя, сгущенную атмосферу безправія и безысходности положенія, и на этомъ фонѣ каждая мелочь при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ обращалась въ нѣчто очень сложное и большое.

Въ этой атмосферѣ крѣпостного права и мыслимы были явленія въ родѣ слѣдующаго, о которомъ кажется не сообщалось еще въ литературѣ. Въ нѣкоторыхъ у. Минской губ. въ 1817 г. крестьяне очутились въ такомъ положеніи, что питались „листьями и травой" и „умирали съ голоду цѣлыми семействами". Адъютантъ главнаго штаба первой ар-

---

[1]) Дѣйствія Нижегородск. Ученой Архивн. Коммиссіи, т. VI, стр. 12.
[2]) Исторія удѣловъ, т. II, стр. 9, 10.

Библ... Академии Наук СССР

міи, проѣзжая черезъ м. Петриковъ, Мозырскаго у., владѣнія Ходкевича, слышалъ отъ крестьянъ, что многіе изъ нихъ „не видали хлѣба по двѣ недѣли“, земли пустуютъ, а крестьяне занимаются „приготовленіемъ лучины и перегономъ изъ оной смолы для помѣщика“; жены и маленькія дѣти остаются безъ пропитанія; крестьяне, которые въ состояніи работать получаютъ въ недѣлю 2—3 гарнца жита; „утоляютъ свой голодъ липовымъ листомъ и березовой корой“, на пространствѣ 26 миль отъ г. Мозыря крестьяне страдаютъ отъ „угнетенія и голода“. Въ м. Липинѣ, во владѣніи Чапскаго „пустые дома крестьянъ умершихъ отъ голода, блѣдныя и изсохшія лица, еще живущихъ, наполняютъ душу ужасомъ“, къ тому еще крестьянъ обременяли выгонкой смолы для господина, крестьяне около 3-хъ мѣсяцевъ были лишены хлѣба; даже запретили имъ собирать кору съ березъ, которая составляла пищу для маленькихъ дѣтей. Въ м. Липинѣ вымерло 3 семейства отъ голода. Экономъ имѣнія Чапскаго принуждалъ крестьянъ брать соль „излишне противъ потребнаго для домашняго расхода количества и платить за оную вдвое дороже“ противъ рыночной цѣны. Крестьяне дошли до такой степени обѣднѣнія, что „не имѣютъ чѣмъ даже защитить голову отъ зноя солнечныхъ лучей“.

Безправное, угнетенное крестьянство нерѣдко выходило изъ состоянія покорнаго, пассивнаго. Постояннымъ способомъ выраженія протеста служили побѣги крѣпостныхъ, нерѣдко самоубійства [1]), насилія надъ помѣщиками въ разныхъ видахъ, вплоть до умерщвленія особенно ненавистныхъ. Въ предшествующемъ изложеніи лишь въ общихъ чертахъ коснулись мы положенія крестьянскаго населенія, не останавливаясь подробно на затрагиваемыхъ вопросахъ. Общія указанія, сдѣланныя нами, достаточны для нашей цѣли. Въ общихъ чертахъ извѣстны тѣ условія крестьянской правовой и экономической жизни, на почвѣ которыхъ развертывались крестьянскія волненія въ царствованіи Александра I.

---

1) Снѣжневскій—Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и въ XIX в. Нижегородскій Сборникъ, X, стр. 519, 526, 533, 545 и др.

3. Поводъ къ крестьянскимъ волненіямъ [1]).

Выше нами было уже указано, что причина крестьянскихъ волненій заключается въ условіяхъ крѣпостного права вообще; крѣпостное право—это перманентная причина. Крестьянскія же волненія всегда имѣютъ въ основаніи своемъ какія нибудь непосредственныя обстоятельства; при благопріятныхъ условіяхъ самое ничтожное явленіе, самый элементарный фактъ въ жизни крѣпостного крестьянства становится поводомъ къ очень серьезнымъ проявленіямъ крестьянскаго недовольства, поэтому оффиціальные изслѣдователи въ такихъ случаяхъ крестьянскія волненія называли неосновательными; конечно, оффиціальные слѣдователи анализировали непосредственный поводъ къ волненію, часто несерьезный, при поверхностномъ взглядѣ, они рѣдко обращали свои взоры къ тѣмъ общимъ основаніямъ, общимъ условіямъ, которыя таились за этимъ маловажнымъ, повидимому, поводомъ.

Помѣщикъ Костромской губ. Пастуховъ, „обременяя крестьянъ своихъ работою, чинилъ имъ при томъ жестокости, и бывая почасту не въ трезвомъ образѣ, наносилъ нѣкоторымъ изъ дворовыхъ людей ножомъ раны въ ротъ и лицо“. Губернаторъ на основаніи 84 ст. Выс. утвержденныхъ правилъ и предписанія Министра Юстиціи предложилъ губернскому

---

[1]) Дѣла Департамента Полиціи Исполн. за гг. 1810 г. — № 348; 1812—№№ 646, 677; 1813 г.—542, 549; 1814 г.—612; 1815 г.—282, 286. 287, 288, 289, 290, 297, 298, 299, 300, 308, 330, 518, 564; 1816 г.—981, 999, 308, 368, 311, 313, 321, 323; 1817 г.—159, 205, 219, 221, 234, 327. 333, 859, 903; 1818 г.—31, 52, 57, 64, 69, 70, 72, 73, 78, 80, 81, 82, 86, 87, 89, 91, 94, 124; 1819 г.—199, 201, 207, 211. 309, 311, 541, 825.

Дѣла I Отд. Хозяйств. Департамента, 1812 г., кн. 106. № 22, кн. 108, № 10; 1818 г., № 14.

Нѣсколько случаевъ волненій описано у Середонина—Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. I, гл. III: стр. 322—388.

Описанія единичныхъ случаевъ крестьянскихъ волненій у Повалишина—Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные, гл. VIII.

Мордовцевъ—Наканунѣ воли, т. I.

Богдановичъ—Исторія царствованія имп. Александра I, т. I.

Дубасовъ—Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Въ изданіяхъ провинціальныхъ ученыхъ архивныхъ комиссій можно также найти описанія отдѣльныхъ случаевъ крестьянскихъ волненій. О томъ же встрѣчаются отрывочныя указанія въ мемуарахъ современниковъ.

правленію „взять недвижимое его Пастухова съ людьми и крестьянами имѣніе въ вѣдомство дворянской опеки, впредь до рѣшенія дѣла или до повелѣнія вышняго начальства". Крестьяне помѣщика Иванова въ Тамбовской губерніи, въ 1815 г. жаловались на „утѣсненія, якобы со стороны помѣщика чинимыя". Возмущеніе крестьянъ возникли „отъ введенія новаго распорядка въ обрабатываніи господскихъ полей"; нерадивые и лѣнивые крестьяне въ наказаніе за то принуждены были работать „лишніе дни противу исправныхъ". Помѣщикъ по разстроенному здоровью не въ силахъ былъ входить во всѣ детали управленія имѣніемъ; управляющій не постарался разъяснить пользу новыхъ порядковъ. Крестьяне очень скоро были приведены „къ сердечному покаянію" и даже дали „съ клятвеннымъ обѣщаніемъ подписку во всегдашнемъ повиновеніи и послушаніи господской власти". Губернская власть поставила поводъ помѣщику, „дабы онъ хотя временно обращалъ вниманіе на управленіе крестьянъ своихъ", а управляющему вмѣнено въ обязанность „быть осмотрительнѣе и осторожнѣе въ своихъ распоряженіяхъ по вотчинному управленію". 7 августа 1815 г. въ Комитетѣ Министровъ слушали записку и. д. гражданскаго губернатора Тамбовской губ., что по произведенному Козловскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства слѣдствію оказалось, что п-ца Засѣцкая 1) „нерѣдко чинитъ крестьянамъ своимъ жестокія наказанія", 2) „отягощаетъ крестьянъ разными работами и поборами весьма излишне и безвременно, черезъ то они на себя земли почти никакимъ хлѣбомъ не засѣваютъ, да и засѣянное и кошенное сѣно остается неубраннымъ", 3) у крестьянъ въ гумнахъ никакого хлѣба и скота не имѣется, при жизни мужа Засѣцкой имѣли „состояніе порядочное". Сама Засѣцкая, по старости лѣтъ, не могла управлять имѣніемъ, ея дѣти, три сына, „въ хозяйственной части не способны". Комитетъ Министровъ предписалъ и. д. Тамбовскаго гражданскаго губернатора привести крестьянъ Засѣцкой въ повиновеніе. „благоразумными средствами", а помѣщицѣ внушить „обязанности ея въ отношеніи тѣхъ крестьянъ", и предоставить крестьянамъ „всевозможное пособіе къ поправленію ихъ состоянія". Обремененіе крестьянъ работами при недостаточномъ надѣленіи крестьянъ частое явленіе въ крѣпостномъ быту. Кресьт-

яне Рязанской губ., Скопинскаго у. пом. Миллера, въ 1818 г., нарушили порядокъ. Крестьяне владѣли 41¼ дес. земли; въ виду недостаточности земельнаго надѣла они вынуждены были нанимать земли на сторонѣ. Помимо этого крестьяне обрабатывали на помѣщика 47 дес., что для 24 д. Комитетомъ признано обременительнымъ. Губернаторъ получилъ приказаніе пригласить уѣзднаго предводителя дворянства съ двумя-тремя дворянами для изслѣдованія о томъ, какія обязанности и повинности могли быть возложенными на крестьянъ, сообразно съ условіями мѣстности, обязательныя какъ для помѣщика, такъ и для крестьянъ. Съ Миллера предполагалось взять подписку, что онъ не будетъ обременять работами. Императоръ, познакомившись съ дѣломъ, приказалъ не чинить крестьянамъ наказаній; въ случаѣ вины ихъ относиться въ земскія полиціи. Однако для предупрежденія зла, проистекающаго отъ „строптиваго“ характера Миллера, 4 сент. 1820 г. имѣніе было взято въ опеку. По жалобѣ крестьянъ гр. Головкина, въ Костромской губ., на притѣсненія и поборы была назначена ревизія, которую произвелъ казенныхъ дѣлъ стряпчій Поповъ. Слѣдствіе Попова показало, что пока крестьяне с. Никольскаго находились въ личномъ управленіи гр. Головкина не обременялись поборами и работами, но по болѣзни гр. Г-нъ управленіе имѣніемъ передалъ дворовымъ людямъ З. Маткову, Н. Рожкову и В. Шишову и съ 1807 г. по день взятія имѣнія въ опеку поборы и оброки съ души возрасли до 100 съ лишнимъ руб. Крестьяне Никольскіе и Черноваводскіе „отцы и ближайшіе родственники, имѣющіе у себя дѣвокъ, какъ къ выкупу на волю, такъ и къ отдачѣ на замужество, за коихъ отъ 100 до 200 р., за каждую взыскано“; съ крестьянъ Никольскаго имѣнія (402 д. м. п.) взыскано 5000 р., а Черноваводскаго (293 д. м. п.) 4000 р., да въ недоимкѣ рекрутскихъ числилось „по расположенію графа“ на Никольскихъ кр-нъ 12.121 р., Черноваводскихъ—12.413 р.; всего же взыскано было съ Никольскихъ 359.644 р. 65 к.; а Черноваводскихъ—316.790 р. 30½ коп. Но такъ какъ крестьяне обязаны были платить оброки за „продажею наличнаго ихъ имѣнія и скота“, то они заняли: кр-не Никольскаго 13.889 р. 65 к., Черноваводскаго 22,075 р. 85 к.; за неплатежъ денегъ крестьяне бывали жестоко наказываемы управляющимъ, не-

взирая ни на болѣзнь, ни на старость; крестьяне не будучи въ состояніи переносить мученій, одни „лишили себя жизни, другіе пропали безвѣстно“, остальные „трудами своими въ другихъ мѣстахъ“ добываютъ средства для платежей, а „хлѣбопашество безъ нихъ обрабатывали одни женщины; большая часть тѣхъ крестьянскихъ женъ и дѣтей ихъ пропитаніе имѣютъ отъ подаянія милостыни окрестныхъ сосѣдей“. Крестьяне неоднократно пытались жаловаться на управляющихъ помѣщику, но ихъ не допускали. Управляющіе имѣніемъ и бурмистръ Бобуринъ продали изъ запаснаго Никольскаго хлѣбнаго магазина озимаго и яроваго хлѣба, якобы на уплату декабрьскаго 1815 г. оброка, на 20 т. р., а „крестьянами не было уже и вносимо въ магазинъ хлѣба по причинѣ чрезмѣрнаго отягощенія ихъ излишними поборами“. Гр. Алексѣй Головкинъ въ 1812 г. занялъ въ Государственномъ Банкѣ на 12 л. 80 т. р. с. подъ залогъ имѣнія въ Костромскомъ и Нерехтскомъ уу., въ сс. Никольскомъ и Черноозерскомъ, состоящемъ изъ 787 д.; но въ виду неисправнаго платежа въ 1815 г. имѣніе назначено было въ запродажу и тогда же взято въ опеку. Крестьяне, изнуренные поборами и повинностями, „вышедъ изъ терпѣнія, пашлись въ необходимость обратиться“ съ просьбой къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о защитѣ. Въ 1816 г. крестьяне уже просили Императора „дабы не отдавая ихъ по рѣшенію Прав. Сената въ полное распоряженіе гр. Г-на, оставить ихъ въ вѣдомствѣ дворянской опеки до рѣшенія въ Костромскомъ Уѣздн. Судѣ Дѣла, или за долгъ въ 300 т. р., числящійся за помѣщикомъ, „взять ихъ въ Казенное вѣдомство, въ каковомъ случаѣ они обязываются въ теченіи 10 л. деньги сіи выплатить“. Комитетъ Министровъ въ постановленіи своемъ отъ 5 дек. 1816 г. принялъ во вниманіе основательность просьбы крестьянъ и „полагалъ оставить крестьянъ въ опекунскомъ управленіи“; свое постановленіе Комитетъ мотивировалъ тѣмъ, что „послѣ открытаго непомѣрнаго отягощенія гр. Г-на крестьянъ его, не совмѣстно было бы оставлять ихъ въ полномъ его повиновеніи“. Благопріятное рѣшеніе вопроса было обусловлено еще тѣмъ, что обнаружено было лихоимство бывшаго Костромского губернатора и др. чиновниковъ. Наконецъ въ 1821 г., ознакомившись съ дѣломъ, императоръ положилъ передать имѣніе гр.

Г-на въ казенное вѣдомство, и взыскивать съ 738 д. 333.150 р. въ теченіи 20 лѣтъ. Губернское начальство, какъ обнаружило слѣдствіе, имѣло недостаточно внимательное наблюденіе за отношеніемъ помѣщика къ крестьянамъ; правда, это было явленіемъ постояннымъ, не всегда такія событія доходили до свѣдѣнія высшихъ инстанцій; но когда высшія правительственныя инстанціи убѣждались въ отсутствіи надзора со стороны мѣстной власти, въ такихъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ строгихъ внушеній и выговоровъ. Костромскому губернскому начальству Сенатъ напомнилъ: „пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче обуздывать тиранства, изліянства, жестокость". Безпорядки, обнаруженныя въ имѣніи гр. Г-на, были поставлены „въ особое замѣчаніе Костромскому губернскому начальству". Но такія замѣчанія и напоминанія едва ли достигали цѣли; съ одной стороны потому, что администрація слишкомъ тяготѣла къ лихоимству, а съ другой—потому, что чины администраціи, дворяне болѣе склонны отстаивать интересы помѣщиковъ; наконецъ, общее безправное положеніе крѣпостной массы заранѣе обрекало ее на беззащитность. Злоупотребленія помѣщичьей властью, крестьянскія обиды и разоренія проявлялись въ безконечномъ разнообразіи формъ и видовъ. Послѣ смерти помѣщика Воронежской губ., слободы Коробановой и дер. Новопетровки, надв. сов. Карабанова по раздѣльному акту имѣніе досталось законнымъ наслѣдникамъ, женѣ, сестрѣ и др., всего 8 лицамъ. Управляющій имѣніемъ одинъ изъ сонаслѣдниковъ Казачковъ, вышелъ изъ границъ дозволеннаго, разстраивалъ крестьянскія имѣнія „непомѣрнымъ сборомъ оброка", „отобраніемъ отъ нѣкоторыхъ семействъ дѣтей". Засѣдатель Уголовной палаты Надв. Сов. Насоновъ на мѣстѣ дѣйствія неповинующихся крестьянъ нашелъ большія злоупотребленія. Казачковъ, какъ управляющій имѣніемъ, бралъ оброку деньгами съ тягла до 35 р., кромѣ того бралъ повинности коровами, овцами, хлѣбомъ, овсомъ, коровьимъ масломъ, саломъ, гусинымъ пухомъ, холстомъ и плодами, „а если кто и онаго не имѣлъ чего, тѣхъ черезъ наказанія заставлялъ покупать". Продавалъ людей на выводъ дворами и семьями, „отлучалъ дѣтей отъ отцовъ и матерей", у одного крестьянина Рѣхусова изъ „четырехъ малолѣтнихъ не оставилъ ни единаго", у престарѣлой жен-

щины, „продавъ сына съ дѣтьми, лишилъ ее всякаго призрѣнія и пропитанія“, выбравъ изъ крестьянъ „лучшихъ“ 20 м. п. и 6 ж. п., пытался отправить ихъ въ Смоленскую губернію; съ нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ бралъ 200—250 р. за дочерей, выдавая отпускныя „несообразныя съ законными правилами“, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣвокъ вывезъ въ Смоленскую губ. Проданныхъ и вывезенныхъ въ разныя губ. оказалось 34 двора, 4 малолѣтнихъ, 9 взрослыхъ мужчинъ и 14 дѣвокъ. Казачковымъ была организована систематическая торговля людьми. Даже во время производства слѣдствія пріѣхали для покупки людей быв. Таганрогскій прокуроръ Губешковъ, помѣщикъ Абаза, быв. Старо-Кольскій городничій Алтуфьевъ, Екатеринославскій помѣщикъ Вунчъ, повѣренные Орловскаго п-ка Выцкаго, и Курскаго—Зайкина. Казачковъ, оказалось, происходилъ не изъ дворянъ, а изъ купцовъ. До окончательнаго рѣшенія дѣла по постановленію Воронежскаго губ. Правленія назначили опеку. Неповинующихся крестьянъ оказалось 135 чел.

Въ худшихъ условіяхъ оказались крестьяне пом-цы Наумовой, въ Симбирской губерніи, Ставропольск. округи. Волненіе крестьянъ было вызвано многими серьезными обстоятельствами. Крестьяне жаловались на „нестерпимыя жестокости“ управляющаго; явившіеся жаловаться болѣе ста человѣкъ, представили губернатору двухъ человѣкъ „въ цѣпяхъ заклепанныхъ, съ тяжелыми деревянными стульями“, одному изъ нихъ была надѣта на шею желѣзная клѣть въ 18 фунтовъ. Коммиссія изъ Ставропольскаго уѣзднаго предводителя Бабкина, совѣтника Уголовной Палаты обнаружила слѣдующее: 1) крестьянъ своихъ въ с. Вознесенскомъ до 700 д. п-ца Наумова пріобрѣла по купчей отъ графини Орловой; за болѣзнью мужа крестьяне были подъ „властію и совершенною зависимостью приказчика“, дворового человѣка, Ив. Семенова, отъ него въ слѣпомъ повиновеніи были десятники, 2) жестокости отъ приказчика и десятника Никитина „состояли въ непомѣрныхъ наказаніяхъ“ за самые „маловажные“ поступки, напр., если кто-нибудь проведетъ борозду не прямо или отстанетъ отъ другихъ крестьянъ съ возомъ соломы; крестьяне соглашались „итти въ солдаты, нежели жить въ такой мукѣ“. Пытавшіеся бѣжать, были

„пересѣчены батожьемъ“. Крестьянинъ, ст. Савельевъ, за вспаханную мелко, назначенную ему въ урокъ часть десятины, былъ избитъ плетью и „пинками“ такъ сильно, что пролежалъ нѣсколько недѣль, другой проболѣлъ цѣлую недѣлю. У крестьянина Толпѣгина во время жатвы болѣла рука и не могъ жать, но принужденъ былъ съ другими крестьянами выполнять работу на барщинѣ; вмѣсто того, чтобы жать, сталъ онъ складывать снопы; приказчикъ счелъ это за лѣность, ударилъ въ лицо такъ сильно, что повалилъ на землю, далъ потомъ за волосы и билъ „пещадно“, отъ чего крестьянинъ съ того времени „чахнетъ“. Беременную крестьянку десятникъ А. Алексѣевъ наказалъ въ полѣ палкой во время работы, и она спустя недѣлю выкинула мертваго младенца; въ довершеніе всѣхъ жестокостей употреблялъ вышеназванную шапку. Шапка была сдѣлана при прежнемъ владѣльцѣ гр. Орловѣ, 30 л. назадъ, и сначала употреблялась „для обращенія раскольниковъ“, надѣвали ее на поїманныхъ бѣглыхъ; шапку стали при новомъ владѣльцѣ надѣвать не только на мужчинъ, но и на женщинъ; иногда обручъ ея на шеѣ „заклепывался наглухо“, иногда завязывался веревкой: заклепанные въ шапку высылались на работу. Крестьянъ высылали на работу по воскреснымъ днямъ, трехдневная барщина не соблюдалась. Слѣдственная власть, убѣдившись въ справедливости крестьянскихъ жалобъ, убѣдившись въ томъ, что злоупотребленія имѣли мѣсто въ имѣніи Наумова, заключили, что „столь жестокія поступки сельскихъ начальниковъ и приказчиковъ превзошли естественную мѣру терпѣнія крестьянъ“. Слѣдствіе пыталось выяснить, не производились ли эти жестокости по приказанію помѣщика, или помѣщикъ виновенъ только въ попустительствѣ. Слѣдствіе доведено именно до этого пункта, и слѣдователи увѣрились, что „нѣтъ никакого на сіе доказательства и что сей вопросъ остается не предметомъ изслѣдованія человѣческаго, а дѣломъ совѣсти помѣщика“. Съ послѣдняго взята подписка объ устраненіи всѣхъ обнаруженныхъ слѣдствіемъ безпорядковъ въ управленіи имѣніемъ.

Такъ какъ обнаруженныя жестокости и нарушенія „заключаютъ въ себѣ непріятное, какъ для всякаго благомысленнаго гражданина, такъ и особенно для дворянскаго со-

словія", то предписано было губернскому правленію сообщить уѣзднымъ предводителямъ дворянства „дабы они по званію своему вмѣнили себѣ въ обязанность имѣть въ виду обращеніе помѣщиковъ или ихъ управляющихъ съ крестьянами и напоминали бы, кому признаютъ нужнымъ, *о духѣ благотворнаго нашего правленія*"; земскимъ судамъ, исправникамъ лишній разъ подтверждается, „дабы они считали прямымъ долгомъ своимъ знать въ своемъ уѣздѣ состояніе помѣщичьихъ крестьянъ и степень дѣлаемыхъ имъ отъ помѣщиковъ или управляющихъ—наказаній". Александръ I, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что внушеніе предводителямъ на счетъ наблюденія за обращеніемъ помѣщика можно и должно дѣлать во всякое время, тѣмъ болѣе, что само званіе предводителя дворянства возлагаетъ на нихъ „сію священную обязанность", а напоминаніе объ этомъ со стороны управляющаго губерніей письменно всегда можетъ быть полезно, само собою разумѣется „подобнаго рода переписка между сими лицами должна оставаться единственно по взаимному ихъ свѣдѣнію наблюденію", а подобнаго рода напоминанія земскимъ судамъ и исправникамъ излишне, ибо наблюденіе за происшествіями въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляетъ ихъ прямую обязанность.

Въ прошеніи на Высочайшее имя въ 1818 г., волнующіеся крестьяне Тамбовской губ., Кирсановской округи, с. Молчановки, п-цы Телепневой, въ числѣ 300 д. жаловались на притѣсненія и разоренія: крестьяне съ семействами и малолѣтними дѣтьми, „изнуряясь голодомъ", спискиваютъ себѣ пропитаніе „милостивнымъ подаяніемъ", „изнуряясь господской работой, не исключая даже воскресныхъ и праздничныхъ дней, не имѣютъ времени быть у Божественной литургіи". По просьбѣ помѣщика для усмиренія крестьянъ были введены въ имѣніе солдаты 20 пѣшихъ и 60 конныхъ; по приказанію начальства солдаты причиняли крестьянамъ разныя „несносности", раздѣвали многихъ изъ нихъ до нага; поставивъ солдатъ съ 4-хъ сторонъ со штыками, спрашивали, кто подавалъ прошеніе, били крестьянъ „нещадно", помѣщикъ говорилъ, что онъ въ своемъ имѣніи самъ „государь", наказали 20 крестьянъ плетьми и розгами „безъ всякой пощады", одну крестьянку раздѣли, били, послѣ чего она 6 недѣль болѣла, 5 крестьянъ, „по наказаніи ихъ плетьми,

истребили или сослали неизвѣстно куда". Одинъ изъ крестьянъ взятъ въ рекруты безъ очереди; другой взятъ въ домъ въ садовники, а отецъ оставленъ одинокимъ и безъ „всякой подпоры въ работѣ"; несовершеннолѣтнихъ дѣтей женилъ на привезенныхъ изъ Бѣлгорода дѣвкахъ, 11 л. не старше 15 лѣтъ мальчикъ долженъ жениться на 25 и 30 лѣтней дѣвкѣ, такихъ свадебъ совершилъ въ одинъ день 27. Отъ крестьянина Яковлева помѣщики Молчановъ и Недобровъ взяли первый 1000 р., второй 1500 р. за освобожденіе отъ рекрутства. Кирсановскій уѣздный предводитель дворянства, производившій слѣдствіе, нашелъ жалобы крестьянъ неосновательными. Наоборотъ, крестьяне Телешевой найдены имъ въ „хорошемъ состояніи", обезпеченными въ землѣ; крестьянъ помѣщица не угнетала, а губернатору оказались лично извѣстными „хорошія правила" и-цы Телешевой и ея мужа въ управленіи крестьянами.

Изслѣдователю исторіи крестьянскихъ волненій очень часто приходится встрѣчаться съ кореннымъ разногласіемъ между жалобами крестьянъ на злоупотребленія помѣщичьей властью и данными оффиціальнаго слѣдствія. Вышеприведенный случай достаточно иллюстрируетъ это разногласіе. Не всегда есть возможность опредѣлить правду, но тѣмъ не мѣнѣе столь рѣзкая оцѣнка явленій, какая имѣется въ предшествующемъ случаѣ, не всегда внушаетъ довѣріе въ пользу оффиціальнаго слѣдствія. Иногда, правда, можно указать на явное пристрастіе въ пользу помѣщика со стороны оффиціальнаго слѣдствія. Крестьяне вотчинъ кн. Гагарина, до 500 д., въ Тамбовской губ., Спасской округѣ вышли изъ повиновенія; произошло серьезное волненіе. Оффиціальное изслѣдованіе не нашло достаточныхъ поводовъ къ волненію. Крестьяне, гласитъ это изслѣдованіе, въ наилучшемъ состояніи, имъ доставляются „всѣ выгоды", какіе только возможны; всѣхъ ревизскихъ душъ 2000 и обрабатываютъ они барской земли 250 д. въ полѣ, что на тягло составляетъ $^1/_4$ д; въ зимнее время крестьяне занимаются на винокуренномъ заводѣ „безъ всякой тягости": на постройки крестьянамъ дается лѣса „сколько кому потребно"; каждое тягло обязано давать ежегодно 2 ар. русскаго сукна, 1 ар. холста; Гагаринъ по просьбѣ крестьянъ замѣнилъ сборъ сукна сборомъ 3 арш. посконнаго холста; помѣщикъ

разрѣшаетъ расчистку лѣсныхъ дачъ подъ пашни, и оставляетъ ихъ въ 10-лѣтнее пользованіе крестьянамъ; въ случаѣ пожара п-къ освобождаетъ крестьянъ на годъ отъ барскихъ работъ; поощряетъ крестьянъ къ разведенію племеннаго скота. Крестьяне всегда волновались, когда вотчина расчисткой полей намѣревалась расширить барскую запашку. На самомъ дѣлѣ крестьяне волновались по болѣе серьезнымъ основаніямъ. Помѣщикъ нашелъ, что у крестьянъ полей больше, чѣмъ имъ полагается, т. е. 6 дес. въ трехъ поляхъ, рѣшилъ вернуть лишки себѣ; ибо полагалъ, что крестьяне присвоили себѣ часть земли отъ помѣщичьей земли: попутно п-къ пытался устранить неравномѣрность въ распредѣленіи земель, когда нѣкоторые изъ крестьянъ завладѣли за счетъ бѣдныхъ по 35 дес. Первое распоряженіе встревожило всѣхъ крестьянъ, которымъ грозило лишеніе нѣкоторой части своихъ земель, другое—всполошило богатыхъ крестьянъ. Т. о. явствуетъ, что оффиціальное изслѣдованіе не досмотрѣло хорошенько; оно полагало, что крестьяне достаточно обезпечены землей, помѣщикъ, наоборотъ, полагалъ, что обезпеченіе крестьянъ, съ пользованіемъ котораго они уже успѣли свыкнуться, произошло не по праву за счетъ помѣщичьей земли. Поэтому объясненіе оффиціальнаго слѣдствія, что волненіе произошло отъ недостаточнаго понятія собственныхъ выгодъ крестьянами отъ справедливаго распоряженія“ и отъ „неосновательныхъ толковъ, непросвѣщеніемъ распущенныхъ“, должно быть признано явно пристрастнымъ. Мы, конечно, далеки отъ утвержденія, что всякая жалоба на злоупотребленія помѣщичьей властью справедлива, разъ она исходитъ отъ крестьянъ, но съ другой стороны не можемъ согласиться съ столь часто повторяющимся аргументомъ въ документахъ, что крестьяне волнуются только потому, что „возмечтали паки о вольности“. Намъ не удалось найти доказательствъ, даже намековъ на отвлеченное исканіе вольности. Волнующіеся крестьяне почти всегда исходятъ въ своихъ требованіяхъ отъ какихъ-либо реальныхъ нарушеній ихъ интересовъ. Только спору подлежитъ размѣръ этихъ нарушеній. Поводъ къ волненіямъ подаютъ общія условія существованія крестьянъ въ помѣстьѣ того или другого владѣльца и въ благопріятную минуту прорывается накоплявшееся недовольствіе крестьянъ. Въ

Воронежской губ., Коротоякскомъ у., слободѣ Петровской, кн. Каткиной-Ростовской состояло 3.144 д., изъ нихъ способныхъ къ работѣ въ возрастѣ отъ 17—50 л.—875 лицъ. На оброкѣ состояло 215 тяголъ, платили съ тягла „не равно", смотря по состоянію отъ 10—55 р.; состоявшіе на пашнѣ обрабатывали для госпожи по 2 десятины сороковыя, по одной десятинѣ озимаго и одной ярового, крестьянамъ представлялось по 4 дес. сороковыхъ на тягло, 2 для озимаго и 2 для ярового—это для тѣхъ изъ крестьянъ, кто имѣетъ скотъ, безлошаднымъ отводили по 2 дес.; прочія работы крестьяне исполняютъ 3 дня на господина, 3 дня на себя. Въ зимнее время крестьяне возили для продажи господскій хлѣбъ въ Острогожскъ и Бирючи. Въ случаѣ ссоръ и обидъ для разбирательства ихъ избираются судьи изъ лучшихъ людей крестьянскихъ; крестьяне по-цы подали жалобу на Высоч. имя объ отягощеніи. Въ такихъ же условіяхъ находящіеся крестьяне по-ка Сенявина, въ Воронежской губ. вышли изъ повиновенія въ 1816 г. Крестьяне не обрабатывали въ достаточномъ количествѣ помѣщичьей земли, у 151 тягла вм. 2-хъ оказалось только по одной лошади, у 5 тяголъ не оказалось ни одной, между тѣмъ работы разсчитывались такъ, какъ если-бы каждое тягло имѣло по двѣ лошади. Мало того, крестьяне были обязаны помѣщику за тѣ продукты, которыхъ у нихъ нѣтъ, крестьяне охотно платили бы деньгами за требуемые съ нихъ продукты, если бы имъ дозволяли въ праздное время наниматься въ работы или ѣздить въ городъ для продажи своихъ издѣлій. Управляющій имѣніемъ, опекунъ капитанъ Полозовъ, оказался ненаходящимся на высотѣ своего положенія, онъ таковъ, что, ему „ни сего, ни другого какого въ управленіе ввѣрять не должно". Комитетъ Министровъ потребовалъ назначенія новыхъ опекуновъ, которые должны были требовать съ крестьянъ „сообразно способамъ ихъ и соотвѣтственно обычаямъ тамошняго края".

Т. о. мы постарались обозрѣть общія условія экономическаго и матеріальнаго существованія крѣпостного крестьянства, въ каждомъ данномъ случаѣ неблагопріятныя для крестьянъ, а равно безконечныя по разнообразію виды и формы неуваженія къ личности крестьянина, которыя вмѣстѣ взятыя или каждыя въ отдѣльности создавали благо-

пріятныя условія для проявленія активнаго неудовольствія крестьянъ. Но кромѣ указанныхъ выше ненормальныхъ условій существованія крестьянской массы намъ приходится останавливаться на другихъ не менѣе глубокихъ серьезныхъ импульсахъ, порождавшихъ крестьянскія волненія. Несмотря на запрещеніе торга людьми въ царствованіе Александра I, этотъ торгъ, какъ извѣстно, практиковался въ большихъ размѣрахъ. Крестьянская масса не мирилась съ продажей людей, даже въ тѣхъ формахъ, какія дозволялись правительствомъ; на этой почвѣ возникаютъ многочисленные случаи неповиновенія помѣщичьей власти. Малороссійскіе крестьяне, Льговской округи, слободы Консли, дер. Загряжской, по-цы жены Гвардіи Анненковой, въ числѣ 500 д., вышли изъ повиновенія, поводомъ къ нему послужило то обстоятельство, что помѣщица распродала 120 душъ крестьянъ въ 60 дворахъ въ разныя руки въ 1813 г.; при вводѣ во владѣніе п-ка Денисьева въ 1815 г. объявили, что „никакому господину не принадлежатъ“, Денисьева за помѣщика своего не признаютъ, слушаться его ни въ чемъ не будутъ“ въ „намѣреніи своемъ тверды, никакого указнаго предписанія не послушаютъ, кромѣ если только отъ Государя Императора повелѣно будетъ имъ быть помѣщика Денисьева подданными“. Въ 1810 г., въ Новохоперскомъ у. слободѣ Воскресеновкѣ, п-ковъ Слюсаревыхъ и Поповыхъ крестьяне вышли изъ повиновенія. Командированный для слѣдствія чиновникъ надв. сов. Мамоновичъ нашелъ, что „первоначальной тому (неповиновенію) причиною была продажа ихъ Малороссіянъ отъ прежнихъ владѣльцевъ ихъ нынѣшнимъ съ земли на вывозъ и нехотѣніе ихъ переселиться“. Мин. Внутр. Дѣлъ интересовалось, на какомъ основаніи были проданы крестьяне, и предложило по-камъ принять отъ крестьянъ предлагаемую ими сумму и предоставить имъ свободу; оно же распорядилось „переходъ ихъ съ ихъ нынѣшняго жительства остановить“; крестьяне, узнавъ объ этомъ, „предались еще больше своевольству и внушеніямъ своихъ наставниковъ“. Подобный протестъ выразили и крестьяне п-ка Апраксина въ числѣ 99 д., проданные въ 1813 г. въ Кирилловскомъ у., Новгородской губ. п-ку Лѣскову. Въ 1816 г. въ Пензенской губ., въ Мокшанскомъ округѣ, с. Купли, д. т. с. Мясоѣдовой, крестьяне, „состоящіе въ зна-

чущемъ количествѣ, бывъ проданы отъ наслѣдниковъ ея разнымъ помѣщикамъ, при случаѣ ввода ихъ во владѣніе оказали было земской полиціи ослушаніе, говоря, что они помѣщикамъ не принадлежатъ"; въ той же губерніи произошло аналогичное явленіе въ Инсарской округѣ, въ дер. Чекашевыхъ-Помянахъ; въ Февралѣ 1813 г. д. т. с. графиней Безбородко были проданы ген.-м. Обрѣзкову 382 д., хотя покупатель былъ введенъ во владѣніе, однако крестьяне отказались итти на господскую работу. До сихъ поръ мы разсматривали тѣ случаи, когда помѣщики продавали крестьянъ съ землей, или имѣнія населенныя; но часто помѣщики продавали, по недостатку земли, или по инымъ основаніямъ, однихъ крестьянъ безъ земли, въ такихъ случаяхъ помѣщики покупатели пытались переселять на новыя земли: попытки переселенія крестьянъ купленныхъ, полученныхъ по наслѣдству или въ особенности попытки переселенія крестьянъ на заводы и фабрики всегда создаютъ серьезныя основанія къ волненіямъ. Крестьяне выходили изъ повиновенія, отказывались переходить на новыя земли изъ опасенія ухудшенія положенія; боязнь передъ новыми, неизвѣстными условіями ихъ будущаго матеріальнаго существованія усугубляла опасенія; часто опасенія не имѣли основанія, но этотъ мистическій страхъ дѣлалъ свое дѣло, виной этому часто служило нежеланіе разставаться съ старыми насиженными мѣстами, съ которыми у крестьянина связывались извѣстныя воспоминанія, это была нравственная связь, побороть которую крестьянинъ не всегда могъ. Помѣщица Рязанской губ., Касимовскаго у. Кронштейнова, въ 1817 г., имѣя 260 душъ, по малости земли, продала 101 душу бригадиру Дурасову; новый владѣлецъ хотѣлъ переселить ихъ въ имѣніе Никольское, Московской губ., крестьяне отказались слѣдовать на новое мѣсто, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они не должны быть проданы на вывозъ, въ доказательство чего представили копію съ Указа Прав. Сенат., изд. 24 ноября 1816 г., о порядкѣ продажи людей и о запрещеніи продавать ихъ безъ земли, копію сохраняли „какъ актъ обезпечивающій право мнимой ихъ свободы", избрали изъ своей среды повѣреннаго для принесенія жалобы его Величеству о пріятіи ихъ въ казну, съ обѣщаніемъ заплатить Дурасову, заплаченную за нихъ сумму; возвратившись, довѣренные принесли рос-

писку о принятіи просьбы канцеляріей статсъ-секретаря и объявили, что безъ разрѣшенія Государя „ни подъ какимъ видомъ“ не переселятся. Комитетъ Министровъ, въ спеціальномъ постановленіи, отъ 25 авг. 1817 г., не согласился съ доводами крестьянъ, признавъ, что 1) переселеніе крестьянъ на земли Дурасова улучшитъ ихъ положеніе, 2) общая польза требуетъ переселенія малоземельныхъ на изобильныя земли, 3) приготовленія Дурасова могутъ причинить ему убытокъ; не видя ничего незаконнаго въ этомъ переселеніи крестьянъ на земли Дурасова, Комитетъ Министровъ обязалъ только Московскаго гражданскаго губ. имѣть наблюденіе, чтобы крестьяне Дурасова были снабжены всѣми нужными въ крестьянскомъ быту предметами. Когда въ 1815 г. кол. сов. Кирьяковъ попытался отправить купленныхъ имъ крестьянъ въ Херсонскій у. для приготовленія земли къ посѣву, то это вызвало весьма рѣшительное сопротивленіе со стороны крестьянъ и чтобы подавить волненіе пришлось прибѣгнуть къ внушительнымъ дѣйствіямъ при помощи военной силы. Не только продажа, переселеніе изъ одного имѣнія въ другое по хозяйственнымъ причинамъ вызываетъ крестьянскія волненія, но переходъ имѣнія съ крестьянами отъ однихъ наслѣдниковъ къ другимъ вызываетъ взрывы крестьянскихъ неудовольствій, что проявляется въ волненіяхъ и безпорядкахъ разной формы и напряженія. Каждый такой переходъ даетъ крестьянамъ основаніе думать объ ухудшеніи своего положенія, они хватаются за малѣйшій пустякъ, учитываютъ возможныя мелочи, чтобы заявить о правѣ своемъ на свободу, подкрѣпляя такія заявленія болѣе или менѣе внушительными попытками активнаго выступленія. На каждаго новаго владѣльца они заранѣе враждебно смотрятъ и не зная его уже становятся въ оборонительное положеніе, а потому они не исполняютъ распоряженій новаго владѣльца, игнорируютъ его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйскія распоряженія ничего незаконнаго сами по себѣ не представляютъ; но если эти распоряженія опредѣленнѣе задѣваютъ крестьянскіе хозяйственные интересы, тогда на лицо серьезное волненіе, для подавленія котораго приходится прибѣгать къ военнымъ силамъ. Отказывая въ повиновеніи новому владѣльцу, крестьяне попутно заявля-

ють жалобы на притѣсненія и обиды. Такъ, въ Пензенской губ. Городищенск. у., въ с. Павловскомъ и М. Архангельскомъ, кр-не д. т. с. Куракина, въ 1819 г., жаловались губернатору, явившись „во множествѣ“, что имъ дѣлаются „разныя обиды и притѣсненія“, между тѣмъ какъ имъ неизвѣстно, кому они принадлежатъ послѣ смерти бывшаго ихъ владѣльца А. Б. Куракина; управляющему „строжайше подтверждено наблюдать въ управленіи умѣренность и опредѣленность“.

Въ слободѣ Городищенской, земли Войска Донского, по раздѣлу между наслѣдниками умершей ген. Платовой въ 1819 г., достались сыну Полковнику Кирсанову до 200 д. крестьянъ, которыхъ онъ хотѣлъ переселить въ другое имѣніе, слободу Елангицкую, но крестьяне отказались слѣдовать въ новое имѣніе, но въ жалобѣ, поданной въ 1818 г. на Выс. имя крестьяне сл. Городищенской, вмѣстѣ съ крестьянами другихъ слободъ, въ томъ числѣ ген. Орловой, указывали на притѣсненіе „непомѣрными налогами“ и господскими работами. Оффиціальное изслѣдованіе положенія крестьянъ слободъ Орловки, Несміяновки, Городищенской находитъ жалобу крестьянъ „ложной“: 1) крестьяне Орловки состоянія достаточнаго, хотя нѣкоторые изъ нихъ были наказаны управителемъ сотникомъ Медвѣдевымъ, по приказанію ген. Орловой, но не безъ причинъ, а по винамъ ихъ, а именно, одинъ за впускъ скотины въ господскій хлѣбъ, другой за неявку въ свое время на панщину, третій за самовольную отлучку изъ слободы, четвертый за самовольную продажу пары быковъ. Хотя съ нѣкоторыхъ и взыскивались деньги безъ приказанія Орловой, но всѣ потерпѣвшіе удовлетворены; крестьяне, согласно закону 5 апр. 1797 г., употребляются въ работу 3 дня. Несмотря на то, что оффиціальное изслѣдованіе не нашло возможности признать жалобы крестьянъ основательными въ нѣкоторыхъ частяхъ, тѣмъ не менѣе въ другихъ частяхъ и оффиціальное слѣдствіе удостовѣряетъ правильность крестьянскихъ жалобъ.

Въ сл. Сальской помѣщики привлекали къ работамъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ. Правительство не вняло просьбамъ крестьянъ о переводѣ ихъ въ другія слободы; только Войсковая канцелярія предупредила низшія инстанціи о соблюденіи ук. 14 іюля 1808 г. касательно недопущенія раз-

дѣленія семействъ и обезпеченія крестьянъ на мѣстѣ новаго поселенія всѣми необходимыми средствами; для успокоенія крестьянъ та же Войсковая канцелярія напоминала о соблюденіи закона о 3-дневной барщинѣ, о зачисленіи въ тягловыя едицы не моложе 17 л. и не старше 60 л.; недопущеніи наказаній со стороны владѣльцевъ крестьянъ, совершившихъ маловажные поступки, такихъ лицъ велѣно передавать слободскимъ правителямъ и судъ „чинить на мірской сходкѣ“, для чего избирать сотскихъ, въ помощь имъ разсудительныхъ стариковъ; по дѣламъ серьезнымъ представлять виновныхъ суду начальства. Любопытнымъ здѣсь представляется то, что, отрицая справедливость и основательность крестьянскихъ жалобъ, мѣстная высшая администрація, а также высшая центральная администрація, старается усиленно напоминать мѣстнымъ агентамъ о неустанномъ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ законовъ и распоряженій, обезпечивающихъ правомѣрную жизнь крестьянъ подъ властью помѣщичьей; въ то время какъ именно на нарушенія этихъ законовъ и распоряженій жалуются крестьяне, справедливость чего оспариваетъ оффиціальное слѣдствіе. Зачѣмъ было говорить о соблюденіи тѣхъ правительственныхъ распоряженій, нарушенія которыхъ правительство *въ данномъ случаѣ* не признавало?

Послѣ смерти п-цы Тевяшевой, владѣлицы до 700 д. въ Воронежской губ., Острогожскомъ у., въ 1818 г., имѣніе ея перешло по наслѣдству сестрамъ, жительствовавшимъ въ области Войска Донского; но такъ какъ онѣ не имѣли права владѣть крестьянами болѣе ½ года, то и продали; крестьяне же рѣшили, что они свободны, такъ какъ наслѣдницы не имѣли права пожизненнаго владѣнія, и только при содѣйствіи войска пришлось усмирить волнующихся. Въ томъ же 1818 г. произошло сильное волненіе крестьянъ въ Симбирской губ., въ Ардатовскомъ у., с. Богоявленскомъ, въ имѣніи г.—м. Тучкова; послѣ смерти матери Тучкова, имѣніе, „которымъ онъ управлялъ 20 л., обще съ родительницею“, досталось по раздѣлу съ братьями генералу и крестьяне послѣ раздѣла, исполнявшіе до сихъ поръ всѣ требованія помѣщика „безотговорно“, сразу отказались исполнять какія бы то ни было распоряженія экономическихъ властей. Послѣ смерти п-ка Державина, въ Оренбургской губ., Бу-

зулукскомъ у. крестьяне заявили, что они должны „быть вольными“; по мнѣнію губернатора, крестьяне свои притязанія основывали „на одномъ безгласномъ увѣреніи“ покойнаго помѣщика. Поводомъ къ крестьянскимъ волненіямъ неоднократно служило правительственное межеваніе. Согласно постановленію Сената въ Рязанской губ. въ 1815 г. должны были быть отмежеваны земли сел. Озерка во владѣніе пом-овъ Козлова и Аксенова, но крестьяне Скопинской Коннозаводской волости, с. Чернавы не допустили къ работамъ межевыхъ чиновниковъ, утверждая, что отходящія земли составляютъ ихъ собственность, требовали при этомъ постановленія Сената, „по которому оная земля была имъ прежде отдана во владѣніе“. Аналогичный случай неповиновенія имѣлъ мѣсто въ Псковской губ. среди казенныхъ крестьянъ разныхъ деревень.

Въ крестьянскихъ волненіяхъ принимаютъ участіе не одни помѣщичьи, частновладѣльческіе крестьяне, а также крестьяне удѣльные и казенные. Поводы къ волненію тѣ же самые, что въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, поэтому нѣтъ основанія останавливаться на этомъ особо. Особенно рѣзкую форму принимаютъ волненія среди заводскихъ крестьянъ; въ буйныя формы облекается крестьянское неповиновеніе тогда, когда ихъ пытаются приписать въ качествѣ рабочихъ къ заводамъ и фабрикамъ. На переселеніе и перечисленіе въ заводскіе рабочіе крестьяне смотрятъ съ какимъ-то мистическимъ страхомъ. Естественно, крестьяне, привыкшіе къ сельско-хозяйственному труду, неохотно склонялись къ заводскимъ работамъ, мало знакомымъ и нелегкимъ; къ тому же подобныя переселенія сопровождались значительнымъ разореніемъ насиженныхъ мѣстъ.

Т. о. можно заключить, что поводовъ крестьянскихъ волненій было слишкомъ много, они были настолько разнообразны, насколько вообще разнообразна сама жизнь. Мы могли отмѣтить только тѣ конкретные случаи, которые служили непосредственными импульсами крестьянскихъ волненій.

4. Формы крестьянскихъ волненій; средства усмиренія ихъ и отношеніе правительственной власти къ крестьянскимъ волненіямъ.

Крестьянскія волненія принимаютъ различныя формы и размѣры, часто характеръ волненія не находится въ непосредственной зависимости отъ поводовъ, давшихъ толчекъ движенію; очевидно, размахъ движенія и активнаго протеста зависитъ отъ недовольства, корни котораго таятся въ общихъ условіяхъ жизни крѣпостного крестьянства въ данномъ помѣстьѣ. Подвести крестьянскія движенія по характеру ихъ проявленія подъ какія-либо общіе виды не поддается никакой возможности, каждое крестьянское волненіе заключаетъ нѣчто вполнѣ индивидуальное; невозможность классифицировать крестьянскія волненія зависитъ еще отъ того, что оффиціальные источники не всегда одинаково обстоятельно сообщаютъ о проявленіяхъ крестьянскаго недовольства. Но что касается отношенія мѣстной и центральной администраціи къ факту крестьянскихъ волненій, то въ этомъ случаѣ можно отмѣчать болѣе или менѣе общую линію поведенія. Мѣстная администрація, какъ только свѣдаетъ о происшедшихъ волненіяхъ, немедленно командируетъ оффиціальныхъ лицъ на мѣста происшествій, въ большинствѣ случаевъ чиновниковъ губернскаго правленія, которымъ поручается изслѣдованіе обстоятельствъ, вызвавшихъ крестьянское волненіе; одновременно вмѣняется имъ въ обязанность кроткими мѣрами и вразумительными увѣщаніями склонить неповинующихся къ спокойствію, для чего на помощь часто привлекается мѣстный священникъ; но если кроткія мѣры вразумленія не достигаютъ цѣли, тогда уже привлекается на помощь военная сила, которая приступаетъ къ активнымъ дѣйствіямъ въ случаяхъ проявленія со стороны крестьянъ рѣшительныхъ дѣйствій. Въ качествѣ оффиціальнаго слѣдователя нерѣдко выступалъ уѣздный предводитель дворянства, губернаторъ. Интересно, что оффиціальные слѣдователи стараются разыскать „начинщиковъ“ крестьянскаго „возмущенія“ и близорукіе слѣдователи въ большинствѣ случаевъ только и склонны видѣть въ крестьянскихъ волненіяхъ проявленіе чужой, злой воли. О всѣхъ случаяхъ волненій доводится до свѣдѣнія Министра По-

лиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, а чрезъ ихъ посредство до Комитета Министровъ и, насколько наши документы позволяютъ заключать, о случаяхъ волненіяхъ извѣщался и императоръ.

Въ 1813 г. въ Кирилловскомъ у., Новгородской губ. числомъ 99 д. вышли изъ подчиненія помѣщичьей власти. Крестьяне „одного засѣдателя прибили“. Земскій судъ долженъ былъ дѣйствовать съ помощью инвалидныхъ солдатъ, „приглася въ случаѣ нужды для преподанія увѣщанія приходскаго священника“, въ случаѣ безуспѣшности кроткихъ мѣръ усмирители могли прибѣгнуть къ болѣе строгимъ мѣрамъ, къ оружію, но съ тѣмъ, чтобы „крестьянамъ никакого разоренія и обидъ, а тѣмъ болѣе дракъ и смертоубійствъ не происходило“. Крестьяне гр. Воронцовой, въ Тамбовской губ. въ 1816 г., въ буйственномъ настроеніи, вышли самовольно косить сѣно на лугахъ, присвоенныхъ крестьянамъ сосѣдняго села; при появленіи засѣдателя и стряпчаго, которые намѣревались разъяснить имъ незаконность ихъ дѣянія, бросились съ косами, топорами, дубинами на бывшихъ при томъ понятыхъ и поводчиковъ, „избили мучительски“, одного „убили до смерти“, засѣдатель и стряпчій едва спаслись. Экономическіе крестьяне разныхъ деревень Орловской губ. при „поновленіи“ межи „причинили побои“ земскому исправнику, засѣдателю, секретарю, приказно-служителямъ. Малороссійскіе крестьяне Льговскаго у., слободы Кожли, дер. Загряжской, п-цы Анненковой, въ 1843 г. отказались отъ поставки рекрутовъ и господскихъ работъ „до окончанія введеннаго ими дѣла“, крестьяне были помѣщицей распроданы; крестьяне требовали возвращенія на прежнія жилища проданныхъ крестьянъ. Увѣщанія совѣтника Уголовной Палаты, губернскаго стряпчаго, священника не имѣли никакихъ результатовъ. Губернаторъ усмотрѣлъ главную причину волненія во вредныхъ внушеніяхъ повытчика тит. сов. Паленицына, который якобы „неправильными толкованіями законовъ впечатлѣлъ въ нихъ духъ неповиновенія и написалъ просьбу отъ лица крестьянъ въ Сенатъ, вчернѣ помѣщалъ въ ней законы „къ существу дѣла отнюдь не подлежащіе“; пользуясь простотой крестьянъ выманивалъ у крестьянъ деньги; а крестьяне, по увѣренію помѣщицы, обложили себя сборомъ на „искатель-

ство сего дѣла". Крестьяне жаловались на незаконную ихъ продажу. Истребованныя сенатомъ объясненія на жалобу окрылили надежды крестьянъ, полагавшихъ, что Сенатъ находитъ основанія жалобы справедливыми. Также постороннимъ вліяніемъ объяснила администрація волненіе крестьянъ въ Минской губ., м. Давыдгородкѣ, имѣніи Л. Радзивила. Крестьяне вышли изъ повиновенія, потому что „оказалось въ нѣкоторой части обремененіе работами", что явилось слѣдствіемъ перемѣнъ владѣльцевъ, „кои дѣйствовали въ назначеніи повинностей по произволу"; по мнѣнію администраціи, возмущеніе произошло отъ надоумливанія крестьянъ подпоручикомъ Уставщиковымъ, и называющимъ себя шляхтичемъ Братковскимъ. Крестьяне „осмѣлились чинить публикаціи", и, какъ разсказывалъ повѣренный Радзивилла, „публикація сія произведена была съ барабаннымъ боемъ". Императоръ повелѣлъ изслѣдовать причины волненія крестьянъ и если крестьяне оказались доведенными до возмущенія незаконными поборами и притѣсненіемъ, то, предавъ законному сужденію помѣщика, учинить надъ крестьянами опеку.

Въ Пензенской губ., Городищенскомъ у., имѣніи кн. Гагарина, „возмечтавъ паки о вольности", крестьяне въ 1819 г. „отложились въ повиновеніи". Ассесоръ губ. пр. Тарховъ, собравъ до 200 д. крестьянъ, сталъ ихъ уговаривать, но крестьяне съ „дерзостью" объявили, что „не станутъ на работы и ни работъ исправлять", до тѣхъ поръ, пока не будутъ „господскій хлѣбъ давать безденежно", и не удалятъ изъ вотчины управляющаго; крестьяне хотятъ „располагать не только хлѣбомъ, но и всѣми хозяйственными заведеніями по произволу", отказываются повиноваться новому владѣльцу. Крестьяне составляли „не только тайныя и открытыя сходки, умышляютъ смѣнить смотрителя къ хлѣбу на заводѣ опредѣленнаго". Въ виду явнаго нежеланія со стороны крестьянъ подчиниться увѣщаніямъ, рѣшили прибѣгнуть къ военной силѣ и дѣйствовать „съ нужною въ подобныхъ случаяхъ твердостью". Волнующіеся крестьяне въ числѣ серьезныхъ требованій выставляли непремѣннымъ условіемъ устраненіе управляющихъ и приказчиковъ въ имѣніи, которые нерѣдко являлись главными орудіями угнетенія. Крестьяне особенно страстно домогаются права самоуправленія

и самостоятельнаго избранія приказчика, сотскихъ и др. должностныхъ лицъ. Но въ этихъ требованіяхъ крестьянамъ всегда отказывается какъ помѣщиками, такъ администраціей; той и другой сторонѣ подобная уступка кажется колебаніемъ престижа помѣщичьей власти, а крестьяне смотрятъ на это право, какъ на существенное условіе ихъ правомѣрнаго существованія. На почвѣ столкновенія этихъ противоположныхъ интересовъ создается серьезная коллизія. Въ имѣніи кн. Волконской, Саратовской губ., с. Репьевкѣ въ 1818 г. при требованіи оброка крестьяне, „собравшись въ господскій домъ, требовали смѣнить всѣхъ старостъ, выборныхъ, ключника, десятскаго, сотскаго". Управляющій уступилъ „усильному" требованію и на другой день на большомъ мірскомъ сходѣ крестьяне избрали новыхъ, „дѣлали разныя неистовства, били дубьемъ старшину Ф. Доронина и проломили ему голову, другой крестьянинъ Рубликовъ едва ли живъ остался отъ побоевъ, если бы во время не отняли; „навязавши нѣсколько пучковъ розогъ" намѣревались наказать сотскаго, но тотъ скрылся; при попыткѣ управляющаго задержать „начинщика Іуду Сухорукаго, тотъ убѣжалъ въ сосѣднія деревни, возбудилъ тамъ крестьянъ и въ сопровожденіи 40 чел. пріѣхалъ верхомъ въ Репьевку въ въ тотъ же день вечеромъ и соединившись съ крестьянами Репьевки, образовали массу въ 300 чел.. Управляющій, „опасаясь худыхъ надъ собой послѣдствій", выѣхалъ въ ближайшее село Отрадино. Наконецъ, крестьяне извиняясь, раскаялись и зачинщики были преданы суду.

Крестьянскія волненія не всегда мирно протекаютъ; вышедшія изъ повиновенія крестьяне проявляютъ много буйства, смѣлости въ своихъ дѣйствіяхъ, сопровождая свои выступленія насиліями надъ экономическими властями, надъ представителями администраціи, которые пытаются усмирить волнующихся. Въ этихъ дѣйствіяхъ крестьянъ проявляется много солидарности между участниками движенія, готовность общими усиліями, „міромъ" постоять за общее дѣло; мало того, увѣренные въ справедливости своихъ домогательствъ, избираютъ изъ своей среды опытныхъ, свѣдущихъ людей, или чаще изъ приказныхъ, стряпчихъ, ходатаевъ по дѣламъ, повѣренныхъ для защиты крестьянскихъ интересовъ. Крестьяне Тамбовской губ., Спасской округи, с. Буты,

вотчины кн. Гагарина, въ 1818 г., „оказавъ бунтъ“, выгнали управляющаго вотчиной дворянина Козакевича „безчеловѣчно совсѣмъ изъ вотчины“. Какъ послѣ Козакевичъ жаловался губернатору, крестьяне хотѣли его убить, „овладѣть землями и лѣсомъ“, „не внимая ничему, ни двухъ священниковъ увѣщаніямъ“, „требовали отъ священника какихъ-то трехъ указовъ, которыхъ будто бы имъ не объявляютъ“, стали грозить кн. Гагарину, когда тотъ пріѣхалъ въ имѣніе. Когда Козакевичъ уѣхалъ изъ имѣнія, „крестьяне раздѣливъ всю землю и лѣсъ, рубятъ оный и расхищаютъ“. Къ волнующимся крестьянамъ выѣхалъ земскій исправникъ съ воинской командой, со всѣмъ присутствіемъ земскаго суда и п. д. стряпчаго. Крестьянъ волнующихся было до 500 ч.; они отказались выдать зачинщиковъ, но представили „доношеніе, писанное Кадомскимъ мѣщаниномъ Поповымъ“, съ жалобой на управляющаго вотчиной. Исправникъ попытался взять одного изъ участниковъ волненія, крестьяне заступились за него, не вняли никакимъ увѣщаніямъ и „дошли до такой азартности, что, окруживъ исправника съ командой, толкали его и втащили въ толпу, приказывая другимъ бить въ набатъ“. По мнѣнію губернатора, всѣхъ участниковъ волненія было до 2000 д. Не смотря на болѣзнь, съ 2 эскадронами Иркутскаго полка, губернаторъ пріѣхалъ къ волнующимся крестьянамъ для „вразумленія оныхъ“, но „вразумленія сіи, на мѣрахъ кротости основанныя, возымѣли совершенный успѣхъ и всѣ „безъ изъятія“ „съ пролитіемъ слезъ“ каялись въ своемъ невѣжествѣ. Наканунѣ пріѣзда губернатора въ с. Салтыково-Бутъ прибыли туда двое крестьянъ изъ дер. Гагарина, Борисоглѣбскаго у., состоящаго изъ 2000 д. и, сколько по замѣчаніямъ можно было думать, для совѣщанія съ крестьянами с. Бутъ“. Двое дворовыхъ, прибывшихъ изъ Москвы, „по непросвѣщенію своему разгласили, якобы въ Москвѣ ожидается помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ вольность“. Губернаторъ, усмотрѣвъ чистосердечное раскаяніе и отдѣливъ наиболѣе провинившихся, другимъ „объявилъ всемилостивѣйшее прощеніе“; крестьяне учинили присягу быть послушными, обязавшись въ томъ „крѣпчайше подпискою“. Раскаявшіеся были прощены, главные участники преданы суду. А двое дворовыхъ, разглашавшіе вѣсти объ ожидающихъ крестьянъ милостяхъ,

для „пресѣченія“ были наказаны на сходкѣ 30 ударами. Крестьяне—участники подвергаются примѣрнымъ наказаніямъ для предотвращенія на будущее время подобныхъ проявленій недовольства, но публичныя наказанія не достигали цѣли. Насилія крестьянъ надъ должностными лицами при исполненіи послѣдними оффиціальныхъ обязанностей каралось весьма строго. Въ 1816 г. произошло какое-то волненіе среди крестьянъ мызы Педдисъ, Эстляндской губ. Одинъ изъ участниковъ волненія крестьянинъ Янъ отказался внести въ запасный магазинъ, слѣдуемый съ него хлѣбъ, отказался также отъ положенныхъ работъ и билъ управляющаго мызы, крестьяне отказались привести его на помѣщичій дворъ, тогда помѣщикъ обратился къ помощи гакенрихтера. Послѣдній сталъ уговарить Яна, но онъ „забылся до того, что съ упорностью схватилъ гакенрихтера за грудь“ и старался ускользнуть изъ рукъ солдатъ, на крикъ Яна выбѣжали крестьяне, кои были въ связи и вмѣстѣ съ нимъ согласились оказывать сопротивленіе и, имѣя въ рукахъ колья, подходили къ г-ру, чтобы освободить Яна. По рыцарскому и земскому праву Эстляндіи (1 кн. 6 т. 7а) всякій, кто положитъ руку на гакенрихтера во время исполненія обязанностей, противится словомъ или дѣломъ, долженъ быть „наказанъ жизнью“, но вмѣсто казни, отмѣненной въ Эстляндской губ. Выс. узаконеніями, это наказаніе замѣняется „40 парами прутьевъ и ссылкой въ Сибирь на работу“; на основаніи Ук. Правит. Сената 30 сент. 1754 г. преступники должны быть „клеймены съ вырываніемъ ноздрей“. Къ этому наказанію и былъ присужденъ Янъ Вирско-Эрвенскимъ Мангерихтомъ, приговоръ былъ утвержденъ губернаторомъ на томъ основаніи, что „вообще наказаніе по дѣламъ уголовнымъ должно служить въ устрашительный примѣръ другимъ “, тѣмъ болѣе, что гакенрихтеръ часто исполняетъ свои обязанности „однимъ лицомъ“ при двухъ солдатахъ инвалидной команды. Губернаторъ въ своемъ донесеніи Комитету Министровъ полагалъ, что „одно только тѣлесное наказаніе 40 парами прутьевъ, составляющихъ не болѣе 120 ударовъ, которые по закону распредѣляются на 3 раза не сдѣлало бы потребнаго впечатлѣнія на мыслящихъ, подобно преступнику, въ особенности, когда таковое наказаніе прутьями употребительно при меньшихъ преступленіяхъ“,

къ тому же „примѣръ сей есть рѣдкій и такъ въ губерніи неслыханный, чтобы крестьянинъ дерзнулъ положить руку на гакенрихтера, яко единаго полицейскаго судью по своему округу“. Поэтому губернаторъ взываетъ о примѣрномъ наказаніи, „дабы устрашить прочихъ единомыслящихъ отъ подобныхъ покушеній и сохранить должный порядокъ“, ибо преступленіе это „важнѣе смертоубійства, поелику убійца лишаетъ жизни одного только человѣка, злоумышленный же возмутитель, если не будетъ устрашительнымъ образомъ наказанъ, можетъ подать поводъ къ смерти многихъ людей, ибо ежели не удастся вдругъ возстановить спокойствіе, то надобно будетъ прибѣгнуть пособію воинскому и въ случаѣ необходимаго употребленія воинской силы безвинно лишатся жизни многіе. Комитетъ министровъ согласился съ доводами эстляндскаго губернатора и призналъ необходимость „объ отправленіи въ Эстляндскую губ. требованнаго заплечнаго мастера“. Крестьяне Пензенской губ, въ Инсарской округѣ, въ дер. Чекашевыхъ-Поляхъ, въ 1814 г., проданные въ числѣ 382 ч., отказались исполнять работы на новаго господина своего, г.-лейт. Обрѣзкова. Командированный губернскій чиновникъ долженъ былъ „развѣдать скромнымъ образомъ, не откроется ли человѣкъ, котораго неблагомыслие ввело крестьянъ въ заблужденіе“. Внушеніе не произвело никакого дѣйствія и пришлось прибѣгнуть къ военной силѣ. Слѣдствіе обнаружило подстрекателя заштатнаго города Троицка, волостного голову Ѳедорова, писаря однодворца Рубцова и однодворца Подзорова, они и были преданы суду. Остальныхъ участниковъ раздѣлили на 3 группы: 11 человѣкъ было отправлено въ губернскій городъ для отдачи въ смирительный домъ до рѣшенія дѣла, другіе отправлены въ с. Токмаково на господскую работу Обрѣзкова, подъ надзоромъ военной команды, прочихъ подъ стражей держали въ деревнѣ, съ которыми въ случаѣ нераскаянія должны были поступить со всей строгостью законовъ. Изъ отправленныхъ въ Токмаково крестьянъ 24 раскаялись и были освобождены; но для наблюденія за крестьянами была оставлена военная команда при одномъ офицерѣ и засѣдателѣ земскаго суда Ларіоновѣ. Крестьяне волнующихся деревень часто подготовлялись для встрѣчи военной силы и для сопротивленія, въ такихъ случаяхъ „священническое

внушеніе“ оказывалось совершенно безцѣльнымъ, такъ крестьяне Новохоперскаго у., сл. Воскресеновки, по-ковъ Слюсаревыхъ и Поповыхъ въ 1810 г. „даже молебствовали о полученіи успѣха“, когда въ деревню стала вступать команда въ 150 чел., они начали стрѣлять въ казаковъ изъза плетней и толпа, вооруженная пиками, насаженными на древца, косами и разнымъ дрекольемъ бросилась на команду и стала дѣйствовать „вооруженною рукою“. Во время перестрѣлки былъ раненъ есаулъ Рубановскій 2-мя пулями въ грудь, третьей въ бокъ, кромѣ того ранены были одинъ урядникъ, 11 человѣкъ рядовыхъ, изъ нихъ 4 тяжело. Изъ крестьянъ убитыхъ оказалось 10, раненыхъ 29; во время стрѣльбы загорѣлись 2 избы. Крестьяне „единодушно приготовились къ сопротивленію“.

Переходимъ къ обозрѣнію тѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ особенно рѣзко стало проявляться неудовольствіе крестьянъ, а слѣдовательно сильнѣе оказывалось сопротивленіе.

Малороссійскіе крестьяне Курской губ., Льговской округи, п-цы Анненковой, проданные пом. Денисову вышли изъ повиновенія въ 1815 г. 27 сент.; губернаторъ распорядился командировать военную силу до 100 чел.; Губернское Правленіе въ свою очередь послало надв. сов. Гаврилова, который „краткими и благоразумными совѣтами“ долженъ былъ привести въ послушаніе „заблудшихся“. Гавриловъ приступилъ къ дѣйствію со 2 окт., команда была оставлена въ сосѣднемъ съ сл. Кожлей и дер. Загряжской селѣ Тарасовѣ. Явившись въ дер. Загряжскую и сл. Кожлю, Гавриловъ засталъ „громаду народа, собравшагося около церкви“, всѣ попытки „увѣщанія“ со стороны Гаврилова оказались тщетными, получалъ отъ крестьянъ „отвѣты... глупые и вольномысленные“, вродѣ того, что они „на все готовы“. Военная команда вступила, наконецъ, съ Г-вымъ и земскимъ судомъ въ сл. Кожлю; команда должа была преградить крестьянамъ входъ на колокольню, чтобы крестьяне не ударили въ набатъ и не „сдѣлали возмущенія въ народѣ“. Крестьяне отвѣчали на всѣ уговоры категорически, что „до полученія разрѣшенія на всеподданнѣйшее ихъ прошеніе никакому помѣщику принадлежать и служить не могутъ“. Тогда Г-въ забралъ 19 чел., какъ главныхъ зачинщиковъ, это дѣйствіе

произвело смятеніе, крестьяне бросились на понятыхъ, сбили ихъ съ ногъ, ударили въ набатъ и „посыпались съ горъ мужчины и женщины и дѣвки съ разнымъ дрекольемъ“; въ виду буйства со стороны крестьянъ команда были усилена еще на 100 чел. и губернаторъ далъ приказъ Г-ву не допускать крестьянъ „совокупляться и дѣлать невозможнымъ ихъ усмиреніе средствами менѣе для нихъ самихъ вредными“. Совѣтникъ Г-въ открылъ, что крестьянами руководилъ волостной голова того же уѣзда Дурново и повѣренный крестьянъ Сем. Котлевъ, однодворецъ Обемяшевъ, а сочинителемъ прошенія былъ живущій въ Курскѣ кол. рег. Зубковъ. 8 окт. команда подъ начальствомъ маіора Данилова и поручика Лизогуба вступила въ с. Кожлю вторично, но какъ только стали приближаться къ ней, то „за 3 версты слышанъ былъ въ оной набатный бой, который то переставалъ, то опять возобновлялся“, команда Лизогуба заняла колокольню, сняли у колоколовъ языки; солдаты уже окружили толпу, но крестьяне „кричали съ азартомъ, что если кого изъ нихъ тронутъ, то примутся за свои припасы и безъ смерти дѣло не обойдется“, начальники команды дознали, что во дворѣ Барабанова приготовлены разныя „смертоносныя“ орудія, какъ то „насаженные прямикомъ на самыхъ длинныхъ шестахъ косы, цѣпы, топоры, пики, копья и дубины“, поэтому команда вынуждена была приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ еще и потому, что крестьяне не только не смягчались, но „день ото дня приходили въ самое отчаянное ожесточеніе, которое ясно оказали въ теченіе недѣли со дня прихода къ нимъ воинской команды“; крестьяне „на возвышенныхъ мѣстахъ около слободы караулы“ поставили, которые при малѣйшемъ движеніи поднимали тревогу. Команды, наконецъ, окружили дворъ Барабанова, гдѣ былъ „собравшійся къ дракѣ народъ всего мужескаго и женскаго пола болѣе 500 д., кромѣ находившихся по дворамъ въ готовности“; крестьяне „учиня выстрѣлы изъ пистолета“, кинулись на солдатъ съ крикомъ: „бей всѣхъ до смерти“; убито во время этихъ дѣйствій было 2 м., 2 ж., ранено 5 м. и 1 ж. Тогда же были арестованы главари волненія. Дознаніе показало, что священникъ той слободы Николаевскій „подкрѣплялъ ихъ къ упорности, какъ-то: служилъ для общества ихъ молебны, дозволялъ бить въ набатъ, предъ евангеліемъ и

крестомъ другъ за друга клясться, и совѣтовалъ стоять дружнѣе, обнаруживая, что они по какимъ-то указамъ будутъ свободными"; уликой противъ священника послужило то, что онъ „заперъ снутри ворота замкомъ и по требованію не отперъ", не вышелъ по приказанію совѣтника, требуя „письменнаго видѣнія"; священникъ былъ взятъ силой, „имѣя на себѣ епитрахиль", въ комнатахъ его оказались спрятанными бунтовщики. Крестьяне избрали ходатаемъ по своему дѣлу жителя с. Котлева Обемяшева, обложили 10-рублевымъ сборомъ каждое тягло и обязались уплатить 2 т. р. повѣренному, изъ которыхъ Обемяшевъ получилъ уже 300 р. Обемяшевъ успокаивалъ крестьянъ, что „стрѣлять ихъ не станутъ, а только стращать, завѣряя притомъ, что развѣ у него голова на плечахъ не станетъ, тогда только онъ не отыщетъ имъ вольность". Крестьянинъ Коротенковъ, по совѣту Обемяшева, ѣздилъ въ Августѣ мѣсяцѣ съ товарищемъ Ковтуновымъ въ окольныя казенныя селенія и „отбирали отъ жителей руки, что они не крѣпостные и что при Кожлѣ и Загряжской земли казенныя", въ удостовѣреніе чего и получили свидѣтельства, писанныя въ дер. Роговой губерн. рег. Позняковымъ, подписанныя волостнымъ головой Дурново и писаремъ Жмакинымъ. По усмиреніи крестьянъ п-къ Денисьевъ былъ введенъ во владѣніе. Впечатлѣніе, вынесенное губернаторомъ отъ всего хода волненія крестьянъ, свелось къ убѣжденію, что „закоснѣлость въ упорности сихъ крестьянъ могла быть изгнана только силой военнаго оружія".

Въ столь же рѣзкихъ формахъ проявилось волненіе среди экономическихъ крестьянъ Псковскаго у. разныхъ деревень по случаю проведенія межи между дачами дер. Федотовой съ дер. Ладышною и сельцомъ Шахровымъ, п-цы Окуневой. Послѣ окончательнаго утвержденія въ натурѣ межи крестьяне дер. Ладышной не позволили поставить межевыхъ столбовъ, „по согнаніи рабочихъ въ азартѣ своемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выбросили межевые столбы", (это было еще въ 1815 г.). О случившемся землемѣръ Фомичевъ сообщилъ земскому суду, но оттуда никакихъ распоряженій не послѣдовало. По вступленіи въ должность новаго губернатора, Губернское Правленіе разсмотрѣло просьбу экономическихъ крестьянъ объ уничтоженіи межи, по которому якобы отходила часть ихъ земли къ помѣщицѣ Окуневой, разсмотрѣно было и про-

шеніе старосты Окуневой о довершеніи межеванія; 27 іюня 1817 г. Земскому Суду и Псковскому Губернскому землемѣру было предложено привести въ извѣстность утвержденную Фомичевымъ межу, а также изслѣдовать, кто учинилъ бунтъ. Изъ изложеннаго ясно видно, съ какой быстротой дѣйствовала администрація въ разрѣшеніи острыхъ вопросовъ! Когда власти прибыли на мѣсто, крестьяне дер. Ладышной и Федотовой, 47 чел, выслушавъ указъ губернскаго правленія объ отчужденіи отмежеванной земли во владѣніе Окуневой, „съ азартомъ кричали“, что земля принадлежитъ имъ и никому ее не уступятъ. Тогда выѣхалъ на спорную землю земскій судъ, открылъ здѣсь присутствіе, вновь читали распоряженія губ. правленія объ отчужденіи земли, но всѣ 42 кр. „единодушно“ кричали, что „никакъ сей земли не дадутъ и что пусть сѣкутъ ихъ кнутомъ и положатъ головы на плахи, отвѣчать всѣ будутъ, а землю Государеву, принадлежащую имъ, не отдадутъ“ и указа губ. правл. не послушаютъ. Когда судъ распорядился забрать 4-хъ крестьянъ, то остальные за нихъ заступились, говоря: „брать, то брать всѣхъ“. Губернаторъ полагалъ, что крестьяне не достаточно уяснили себѣ смысла указа губ. правленія и рекомендовалъ земскому суду вызвать къ нему, губернатору, къ 10 іюля крестьянъ для личнаго объясненія. Въ деревню къ волнующимся крестьянамъ 20 іюля пріѣхалъ исправникъ, стряпчій, землемѣръ для окончанія межеванія, но встрѣтили со стороны крестьянъ весьма суровый пріемъ: „взявшись другъ за друга крѣпко за руки, не допускали къ выполненію, крича всякъ въ свой голосъ, что не дадутъ земли даромъ, и чтобъ ни трогать ихъ, а то головщина будетъ“, защищали себя „дракою“. Исправникъ „мѣрами осторожности“ прекратилъ драку, но среди крестьянъ распространился слухъ, что одинъ изъ нихъ Павелъ Леоновъ убитъ; но засѣдатель нашелъ его въ живыхъ и не выдали его. Губернаторъ, освѣдомленный объ ожесточеніи крестьянъ, двинулся на мѣсто дѣйствія самъ съ дворянскимъ предводителемъ, захвативъ врача дер. Беллина. Губернатора крестьяне просили не отчуждать земли помѣщицѣ до полученія отвѣта на поданное ими Министру Финансовъ прошеніе; крестьяне старались доказать, что потеря отмежеваннаго участка земли разоритъ ихъ, что землю они удобрили, распахали для посѣва озимаго хлѣба. Крестьянинъ

Леоновъ по освидѣтельствованіи врача оказался совершенно невредимымъ. Просьба крестьянъ, оказалось, имѣла серьезныя основанія. Въ дер. Федотовой (по крестьянскому назв Подсадья), Ладышной и двухъ еще селахъ при генеральномъ межеваніи, въ одну округу межеванныхъ, числилось 192 души. Земли имъ отмежевано было усадебной 6 дес. 107 с., пашни 423 дес. 2078 с., покосу 43 дес. 1978 с., лѣсу 31 дес. 1117 с., на удобства 20 дес. 133 с., всего 585 дес. 613 с.; послѣ споровъ еще отведено 327 дес. 180 с., всего 912 д. 793 с. Сколько изъ этого количества слѣдовало отрѣзать Окуневой не было извѣстно ни въ губ. Правленіи, ни въ Казенной Палатѣ, а межевая канцелярія не доставила ни плановъ, ни другихъ свѣдѣній. Окунева утверждала, что по рѣшенію Сената ей слѣдуетъ отмежевать 428 д., тогда на долю крестьянъ пришлось бы 484 дес., что составило бы на душу 2 дес. 1374 с.; при такихъ условіяхъ крестьяне не были бы обезпечены землей, земли крестьянскія оказались бы окруженными помѣщичьими землями. Губенаторъ довелъ до свѣдѣнія Министра Финансовъ о положеніи крестьянъ, просилъ оставить отводъ Окуневой земли до изготовленія плана межеванія. Хотя слѣдствіе и показало серьезность причины, которая заставила крестьянъ быть въ „азартѣ“, и повидимому самъ губернаторъ раздѣлялъ, что крестьяне были правы въ своемъ домогательствѣ, тѣмъ не менѣе, отвлекаясь отъ очевидной причины волненія крестьянъ, онъ старается объяснить крестьянское волненіе постороннимъ доводами, ему кажется, что волненіе произошло отъ первоначальнаго послабленія, допущеннаго властью, а послѣ этого крестьяне дѣйствовали уже по глупости своей. Аналогичныя волненія произошли въ сосѣднихъ деревняхъ [1]). Для прекращенія крестьянскаго недовольства и для острастки другимъ, губернаторъ полагалъ цѣлесообразнымъ наказать главарей и наиболѣе видныхъ участниковъ волненія на сходкѣ; но центральная власть въ лицѣ СПБ. Военнаго губернатора разошлась въ данномъ мнѣніи: признавая, что крестьянское неповиновеніе есть ослушаніе законной власти, въ Петербургѣ считали болѣе пра-

---

[1]) Межеваніе происходило въ уу. Псковскомъ, Островскомъ, Новоржевскомъ, Великолуцкомъ, Торопецкомъ, Холмскомъ, Порховскомъ, Опочецкомъ.

вильнымъ предать крестьянъ законному сужденію. Если псковскому губернатору дѣло представлялось очень просто, то не такъ посмотрѣли на него въ столицѣ; черезъ Аракчеева было объявлено Выс. повелѣніе: 1) оставить отрѣзываніе отъ экономическихъ земель въ пользу помѣщиковъ по Псковской губ. 2) командировать въ Псковскую губ отъ Министерства Финансовъ и Полиціи двухъ чиновниковъ, съ порученіемъ объѣхать всѣ экономическія селенія, гдѣ межевая канцелярія назначила отрѣзать участки въ пользу помѣщиковъ и изслѣдовать а) сколько по числу душъ приходится земли, b) сколько этого количества назначено въ отрѣзку и с) сколько и какой земли послѣ сего останется на долю крестьянъ; 3) на будущее же время постановить за правило, что во всѣхъ удѣльныхъ и казенныхъ селеніяхъ, если по тяжебнымъ дѣламъ, или по рѣшенію Сената постановлено будетъ производить отрѣзки въ частное владѣніе, то не иначе какъ по предварительному соглашенію съ Министромъ Финансовъ относительно надѣленія крестьянъ землями взамѣнъ отходящихъ. При этомъ должно быть представлено объясненіе о необходимости подобной замѣны; если послѣ отрѣзки останется достаточное на душу количество земли, то замѣна въ такихъ случаяхъ не производится. Если поблизости отъ отходящихъ отъ крестьянъ земель не окажется, то въ такомъ случаѣ помѣщиковъ нужно удовлетворять или деньгами, или равноцѣнными участками въ другихъ мѣстахъ.

Межеваніе и связанное съ нимъ потеря земли постоянно приводила крестьянъ въ сильное смятеніе и они отстаиваютъ свои земли вооруженной рукой, оказывая рѣшительное сопротивленіе всякому, кто пытался посягнуть на земли, которыя крестьяне считали своей неотъемлемой собственностью. Согласно постановленію Прав. Сената должны были отмежевать земли сел. Озерка во владѣніе п-ковъ Козлова и Аксенова; крестьяне же Скопинской Конюзаводской волости, с. Чернавы, Рязанской губ. лѣтомъ 1815 г. не позволили производить межевыхъ работъ. Для изслѣдованія дѣла былъ командированъ совѣтникъ губ. Правленія Матвѣевъ Были при этомъ собраны старшіе крестьяне по одному изъ каждаго двора, всего 150 чел.: когда крестьянъ стали спрашивать объ именахъ, то они отвѣчали „самымъ грубымъ и буйственнымъ образомъ“, что имена своихъ не объявятъ.

Чиновники хотѣли убѣдить волнующихся, что земля отмежевывается по Выс. распоряженію, просили смириться, но „крестьяне не одинъ разъ заглушали сіи внушенія самымъ буйственнымъ шумомъ“, наконецъ, вышедъ изъ себя, кричали, что отходящая земля ихъ собственность, требовали постановленія Сената, „по которому оная земля была прежде отдана имъ во владѣніе“, говорили, что будутъ просить объ оставленіи земли за ними, а „безъ разрѣшенія на просьбу до отрѣзки оной никакъ не допустятъ“, всѣ „увѣщанія приводили крестьянъ лишь въ большее неистовство“. Въ августѣ мѣсяцѣ къ волнующимся с. Чернавы присоединились крестьяне 5 другихъ селеній. Наконецъ, крестьяне объявили, что препятствій межеванію не будутъ оказывать, но дать въ томъ подписку отказались. Чиновникъ, производившій слѣдствіе въ с. Чернавѣ, нашелъ тамъ „болѣе 100 чел. крестьянъ въ нетрезвомъ и развратномъ положеніи“.

На помощь Матвѣеву была командирована рота солдатъ, Матвѣеву даны были инструкціи усмирить волнующихся „не приступая однако въ случаѣ дальнѣйшаго упорства крестьянъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ“. Земскій судья и ротный командиръ потребовалъ зачинщиковъ, но больше 200 чел. „съ чрезвычайнымъ шумомъ, имѣя въ рукахъ колья, пики и дубины кричали, что никого не дадутъ“. Командиръ роты успѣлъ было захватить одного, но „прочіе закричали, что они всѣ равны, зачинщиковъ у нихъ нѣтъ и взять ни единаго безъ смертнаго убійства не допустятъ, бросились съ своимъ оружіемъ на роту и хотѣли бить солдатъ дубинами“, поэтому пришлось отпустить забраннаго. Въ виду такого оборота дѣла рѣшили увѣщевать крестьянъ черезъ священника, но крестьяне до того не допустили и съ ругательствомъ требовали, чтобы священникъ оставилъ ихъ. Такъ какъ обращеніе къ военной силѣ не вносило успокоенія, а скорѣе ожесточало волнующихся, то она была отправлена въ губернскій городъ. Крестьяне не допускали мысли о томъ, что ихъ собственная земля будетъ отдана помѣщикамъ, да еще по Выс. конфирмаціи, „ибо по невѣжеству своему и грубому образу мыслей они полагаютъ, что Государь императоръ *находится внѣ предѣловъ Россіи и дѣло сіе Е. И. В. неизвѣстно*“. Губернаторъ не рѣшился самостоятельно прибѣгнуть къ какимъ-нибудь рѣшительнымъ

мѣрамъ. По постановленію Комитета Министровъ, отъ 25 сент. 1815 г., изъ Москвы командировался баталіонъ, чтобы кроткими мѣрами усмирить крестьянъ, а губернатору постановлено на видъ, что неприлично было по требованію неповинующихся, возвратить взятаго подъ стражу крестьянина". Новый чиновникъ кол. сов. Абрамовъ еще 12 сент. уговаривалъ крестьянъ смириться, но тѣ упорно продолжали требовать копіи съ Указа Прав. Сената, Абрамовъ обѣщалъ дать, но крестьяне ни 14, ни 13 сент. не явились за ней, объясняли это тѣмъ, что ихъ могутъ задержать, наконецъ, совсѣмъ отказались отъ полученія копіи изъ рукъ Абрамова и обратились за ней въ Скопинскій Земскій судъ. Абрамовъ объяснилъ, что судъ, за неимѣніемъ подлиннаго указа, копіи дать не можетъ и только 21 сент. взяли у Абрамова копію, обѣщавъ не мѣшать межеванію; дѣйствіе военной силы было пріостановлено. По постановленію Комитета Министровъ отъ 20 ноября 1815 г., отмѣнялось рѣшеніе отъ 21 сент., „дабы изысканіемъ виновныхъ не подать повода къ новому безпокойству". Оберъ-шталмейстеръ Мухановъ, познакомившись съ подробностями дѣла, заключилъ, что для усмиренія крестьянъ *„не столько строгость нужна была*, которая приводила крестьянъ въ страхъ и ожесточеніе, по простотѣ и неосмысленности ихъ, *сколько способность чиновника* (Абрамова), могущаго разрѣшить ихъ сомнѣнія и извлечь изъ того возможность изъ упрямства сдѣлать кротость и изъ послушанія во всемъ совершенное повиновеніе".

Продолжая изученіе крестьянскихъ волненій, не можемъ обойти безъ разсмотрѣнія тѣхъ случаевъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ стало проявляться упорство, неповиновеніе крестьянъ въ формахъ столь же рѣзкихъ, какъ предыдущіе случаи. Крестьяне кол. сов. Кирьякова, сел. Жукова и Стасовецъ посланы были владѣльцемъ на дачу въ Херсонскій у. для приготовленія земли къ посѣву. Крестьяне, „собравшись до 300 и болѣе человѣкъ и выѣхавши изъ жилищъ своихъ, остановились на полѣ близъ Жукова", отказываясь идти далѣе; не слушали уговоровъ земскаго комиссара, „подкрѣпляясь въ таковомъ намѣреніи письмомъ, писаннымъ отъ находящагося изъ числа ихъ въ военной службѣ Г. Трироженко"; мало того, когда земскій комиссаръ

съ засѣдателемъ земскаго суда стали уговаривать и внушать крестьянамъ повиновеніе, „то они подхватя косы, колья, сѣкиры и пики, бывшія у нихъ подъ прикрытіемъ, бросились съ такимъ азартомъ на понятыхъ, что на томъ же мѣстѣ одинъ волостной урядникъ убитъ, а 8 человѣкъ ранено, изъ коихъ одинъ на другой день умеръ, другіе едва спаслись бѣгствомъ“. Въ с. Жуково пріѣхалъ совѣтникъ губ. правленія Дьяковъ, рота полтавскаго конно-казачьяго полка, два эскадрона и понятыхъ, всего до 400 чел. подъ командой маіора Носенко съ предписаніемъ, „не раздражать крестьянъ, и дѣйствовать больше убѣжденіемъ“. Если бы крестьянамъ разрѣшили остаться на мѣстахъ до будущей весны (волненіе происходило весной 1815 г.), то крестьяне смирились бы. Губернаторъ изъявилъ согласіе, но крестьяне пожелали это услышать лично отъ губернатора. Губернаторъ выѣхалъ къ крестьянамъ, „замѣтя весьма скромный ихъ пріемъ, рѣшился приблизиться къ нимъ на 20 шаговъ, когда они сидѣли и стояли близъ своихъ возовъ безъ всякаго вооруженія“, но какъ только губернаторъ началъ говорить, раздался ружейный выстрѣлъ, пуля пролетѣла мимо губернатора, крестьяне, „вскричавъ другъ къ другу, схватили ружья, косы, цѣпы и опрокинувъ оными роту гарнизоннаго баталіона, прогнали даже конныхъ шаговъ на 200 въ стремительномъ бѣгствѣ“. Носенко объявили крестьяне, что „не хотятъ ни въ дома возвращаться, ни имѣть у себя какого-либо помѣщика, а расположены остаться на настоящемъ мѣстѣ впредь до полученія отъ верховнаго правительства какого-то мнимаго разрѣшенія“. Во избѣжанія дальнѣйшихъ осложненій губернаторъ рѣшилъ „пресѣчь столкновеніе съ окрестностями и заставить ихъ сдаться“, и оставилъ ихъ въ „блокадѣ разъѣздныхъ казаковъ“, и полагая, что съ истощеніемъ запасовъ они сдадутся. Въ рукахъ губернатора оказался весьма любопытный документъ, письмо изъ Люблина, отъ 20 дек. 1814 г., унтеръ-офицера Трироженко къ отцу, въ которомъ между прочимъ было сказано: „какъ скоро мнѣ Богъ дастъ волю, что избавлюсь отъ службы, что хотя съ голоду голый въ одной сорочкѣ буду пропадать, а пойду прямо въ Петербургъ просить, что насъ совсѣмъ разорили. Я уже Е. В. Константина Павловича просилъ и подалъ просьбу въ слѣдующемъ: писалъ сіе такъ

точно, какъ я пошелъ на службу отъ помѣщика Кочубея, оставилъ родителей своихъ отца и мать при старости лѣтъ, нынѣ получилъ отъ нихъ извѣстіе, что совсѣмъ они помѣщикомъ разорены и проданы на Адессъ, помѣщику Кирьякову. А какъ я продолжалъ службу безпорочно и раненъ, за что пожалованъ унтеръ-офицеромъ, теперь не имѣю родительскаго пристанища, куда и прійти, и не знаю, кто меня приметъ, или кто при старости усмотритъ Васъ", на это Константинъ Павловичъ сказалъ: „люблю, что жалѣешь стариковъ родителей своихъ", въ третій день получилъ отъ Е. В. унтеръ-офицерскій чинъ и обнадеженъ точно", что въ Полтавской и Черниговской губ. не будетъ крестьянъ „панскихъ, а все казенные и казаки, а помѣщикамъ, которые имѣютъ въ оныхъ губерніяхъ крестьянъ и землю, то на мѣсто ихъ дѣйствительно дано будетъ въ Польшѣ, также и Кочубею. Я же слышалъ о продажѣ Васъ отъ Секретаря Е. В. и по вашему дѣлу велѣно выслать изъ Полтавы кн. Лобанова и губернатора въ Петербургъ къ отвѣту и мнѣ точно секретарь сказалъ, что будетъ посланъ сенаторъ на рѣшеніе дѣла изъ Петербурга", и „вы услышите скоро, что будетъ съ вами на мою просьбу, да постарайтесь дать мнѣ знать, сколько васъ всѣхъ продано въ Адессъ Кирiякову". Неизвѣстно происхожденіе письма и подлинно ли оно принадлежитъ тому лицу, которому приписывается; конечно, невозможно найти какую-либо крупицу истины отъ вымысла въ этомъ документѣ, но это совершенно не важно, важно только то, что подобныя произведенія производили на крестьянъ фантастическое впечатлѣніе, такая бумага превращалась въ глазахъ волнующихся въ необычайно цѣнный документъ и содержаніемъ документа, каково бы фантастично содержаніе ни было, крестьяне искали оправданія своихъ домогательствъ и опорочить подобный документъ было дѣло не легкое, ибо онъ сильно гипнотизировалъ волнующуюся массу.

Волнующіеся крестьяне большую надежду возлагаютъ на помощь свыше, въ представленіи крестьянъ Государь всегда на стражѣ справедливости, готовъ защитить крестьянъ, только чиновники и помощники скрываютъ отъ него правду и вотъ они сами непосредственно обращаются къ нему, въ полной глубокой надеждѣ, что ихъ просьба не останется безъ

отвѣта, желательнаго имъ, крестьянамъ. Они съ одной и той же стереотипной фразой, полной глубокой вѣры и убѣжденія, отвѣтствуютъ на всѣ обращенныя къ нимъ увѣщанія и уговоры быть послушными, что до полученія „заведеннаго“ дѣла никому послушны не будутъ. Крестьяне питаютъ большое довѣріе и къ высшимъ органамъ центральнаго управленія, въ ихъ головы не умѣщается мысль о томъ, что эти органы не съ ними и не всегда готовы отстаивать и защищать ихъ интересы. Большое значеніе придаютъ бумагѣ, печати, она въ глазахъ крестьянъ пріобрѣтаетъ мистическое значеніе и всегда очень рѣшительно отказываются отъ дачи какихъ-либо письменныхъ удостовѣреній и расписокъ. Крестьяне слободы Городищенской въ 1819 г. отказываются дать слѣдователямъ какія-либо письменныя объясненія, они откровенно заявляютъ слѣдственной власти, что ни за что объясненій „не подпишутъ, считая, что всякими рукоприкладствами потеряютъ право на вольность“;[1]) преисполненные ожиданій улучшенія и измѣненія своего положенія тѣ же крестьяне смѣло заявляютъ слѣдственнымъ властямъ, чтобы онъ по-къ Кирсановъ немного потерпѣлъ, а „тогда увидитъ, *что всѣ они будутъ состояніемъ имъ Кирсанову* (помѣщикъ) и *Агапову* (слѣдователь) *равны*“. Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, какое большое впечатлѣніе должно было произвести на крестьянъ Кирсанова упомянутое выше письмо. Послѣ долгихъ переговоровъ 27 февр. 1815 г. крестьяне двинулись съ своихъ стоянокъ, „взяли направленіе свое вооруженною рукою“ къ хутору Трероговкѣ съ угрозами, что „будутъ бить каждаго въ смерть, кто имъ въ томъ воспрепятствуетъ“, военная команда только слѣдила за движеніемъ крестьянъ, не предпринимая ничего. Достигнувъ хутора, состоящаго изъ 9 избъ, крестьяне расположили, въ „оборонительномъ положеніи на выгодномъ мѣстѣ“, „имѣя для подкрѣпленія себя съ тылу всевозможные способы къ продовольствію“, тогда, улучивъ время, военная команда

[1]) Когда волнующимся крестьянамъ, Псковской губ, Опочецк. у., Воронеж. Удѣльн. Приказа, въ 1817 г. объявлено было дать подписку, что имъ объявлена Высоч. воля о бытіи въ повиновеніи и крестьяне согласились, то за неграмотностью крестьянъ рѣшили власти приложить къ запискѣ въ присутствіи крестьянъ печати, крестьяне „закричали печатей не прикладывать“.

окружила тотъ хуторъ, „не дѣйствуя и тутъ наступательно, но будучи въ готовности предупредить всякое вредное общему спокойствію предпріятіе“. 28 февр. губернаторъ хотѣлъ говорить съ крестьянами объ оставленіи ихъ, согласно желанію, до весны на старомъ мѣстѣ, но буйство крестьянъ до того возросло, что если кто либо приближался къ нимъ, хотя бы на разстояніи 200 шаговъ, то они, „гоняются за нимъ съ орудіями и похваляются убить того, кто осмѣлится подъѣхать къ нимъ близко“. Окруживъ крестьянъ казачьими командами и ротами внутренней стражи, вновь приступили къ внушенію и убѣжденію „кроткими мѣрами“, но напрасно, крестьяне „пробивая кольями ямы, при умноженномъ крикѣ и произнесеніи самыхъ дерзкихъ словъ насчетъ начальства и помѣщика своего, ругательствомъ поклялись, что до тѣхъ поръ не сдадутся и не пойдутъ съ занимаемаго ими мѣста, пока не положатъ въ одной ямѣ губернатора, а въ другой комиссара и не составятъ такой могилы, какъ Полтавская“, пытались при этомъ „прорваться черезъ цѣпь и побивъ всѣхъ помѣщиковъ, въ окружныхъ селеніяхъ добраться и до гор. Полтавы“, бросились на казаковъ, но они отступали и не причиняли нападающимъ никакого вреда, хотя и „наносили имъ (казакамъ) чувствительные побои цѣпами, топорами, косами и т. п. орудіями, а вилами пороли лошадей“. Выведенные изъ терпѣнія солдаты стали стрѣлять, со стороны крестьянъ было убито 11, ранено 12 чел., солдатъ ранено 12 чел., взято подъ стражу 67 чел. Въ дѣйствіяхъ крестьянъ усмотрено подстрекательство жителя Полтавскаго Повѣта штабъ-ротмистра Кропивнаго. Дѣйствія Носенко съ командой были признаны малороссійскимъ ген.-губ. нерѣшительными, а осада крестьянъ „не основательной по достоинству и власти начальства“. Главнымъ виновникомъ былъ выставленъ тотъ же Трироженко, „ибо къ заблюденію людей даже и Высочайшее имя государя царевича есть дерзость, о коей и мечтать трудно, а избѣжать дѣйствіе соблазна его чинимаго не всякому удобно“. Виновные были преданы суду; но постановленіемъ Комитета Министровъ отъ 9 и 13 марта Уголовной Палатѣ вмѣнено было при опредѣленіи степени виновности участниковъ волненія, „не приводя въ исполненіе опредѣленія, довести объ этомъ Министру Финансовъ для доклада Государю“.

При усмиреніи крестьянъ или вообще въ обращеніи съ ними мѣстная и центральная власть сильно озабочены, какъ-бы дѣйствіями своими не уронить престижа власти вообще и помѣщичьей въ частности. Поэтому часто приносятся въ жертву этому убѣжденію весьма жизненные вопросы; мѣстнымъ низшимъ органамъ постоянно это ставится на видъ, въ силу чего, дорожа властью, агенты часто достигаютъ прямо противоположныхъ результатовъ. Когда Симбирскій губернаторъ во время волненія въ Ставропольскомъ у. въ 1818 г. напомнилъ губернскому правленію, земскимъ судамъ, исправникамъ, уѣзднымъ предводителямъ, что они должны неустанно слѣдить за отношеніями помѣщиковъ къ крестьянамъ и предупреждать всякія злоупотребленія, комитетъ министровъ полагалъ, что этого указанія „столь гласнымъ образомъ дѣлать не слѣдовало для того, чтобы симъ не подать повода къ злоупотребленіямъ и затѣйливымъ донесеніямъ на помѣщиковъ, самыхъ даже справедливыхъ и благонамѣренныхъ, отъ чего легко могутъ возникнуть многія безполезныя слѣдствія, влекущія за собою неминуемое разстройство въ имѣніяхъ и если не разрушающія вовсе, то и по меньшей мѣрѣ, неизбѣжно ослабляющія должное повиновеніе, безъ коего всякій порядокъ долженъ исчезнуть“. Комиссія, производившая слѣдствіе въ той же губерніи, въ Ставропольскомъ у., по окончанія дѣла была свидѣтельницей слѣдующей картины: „у преддверія огромнаго сельскаго храма, на томъ почти мѣстѣ, гдѣ происходило слѣдствіе, всѣ присяжные старики ожидали священника для принесенія молебствія за здравіе государя Императора“, въ полѣ стояло около 200 крестьянъ. „Поставленъ былъ простой столъ, накрытый полотенцемъ, на которомъ стоялъ образъ Спасителя и положенъ былъ черный хлѣбъ съ деревянной солонкой. Члены комиссіи остановились, вышли, приложились къ образу, и, когда губернаторъ сказалъ стоявшимъ подлѣ крестьянамъ: молитесь Богу за Государя и повинуйтесь помѣщику, всѣ упали на колѣни, всѣ до одного плакали, произнося: благодаримъ! Судъ сдѣланъ Божескій, молитесь за Государя! было послѣднее слово членовъ комиссіи“. Волненіе въ этомъ имѣніи было вызвано весьма серьезными причинами (см. выше), и успокоеніе наступило сравнительно скоро. Но Комитетъ Министровъ нашелъ, что „церемонія крестьянами учиненная,

при которой на возвратномъ пути присутствовала и комиссія, признается не только не приличною, но даже и ни съ чѣмъ несообразною. „Въ Симбирской губ., въ Ардатовскомъ у., въ с. Богоявленскомъ въ 1818 г. произошло крупное волненіе. Имѣніе было унаслѣдовано г. м. Тучковымъ, Звенигородскимъ предводителемъ дворянства. Крестьяне сначала отсрочивали платежъ денежнаго оброка, а потомъ „наглымъ образомъ“ отказались совсѣмъ платить, считая себя непринадлежащими Тучкову. Двое изъ крестьянъ отлучались самовольно въ Москву, по возвращеніи оттуда поѣхали въ Симбирскъ съ жалобой губернатору на засѣдателя земскаго суда Рѣбушкина. Отъ Рѣбушкина потребовали объясненій; это такъ крестьянъ ободрило, что устроили они сходку, отрѣшили отъ должности назначеннаго Тучковымъ старосту, „избивъ немилосердно, сковали въ желѣзо и посадили подъ стражу за то, что не сообщается съ ними искать вольности“. Въ жалобѣ, поданной губернатору на засѣдателя земскаго суда Рѣбушкина, указывали на то, что Рѣбушкинъ, пріѣхавъ въ село Богоявленское, домогался принудить ихъ къ подпискѣ о бытіи имъ въ послушаніи и вѣчномъ потомственномъ владѣніи“ Тучкова; а управляющій мѣщ. Сорокинъ внушалъ крестьянамъ, что „безъ той подписки господину не можно ни продать ихъ, ни заложить, что привело крестьянъ въ немалое сомнѣніе въ принадлежности“. Поэтому 10 іюня подали прошеніе „лично“ Е. И. В., а губернатора просили о помощи и защитѣ, удостовѣряя, что „платить оброкъ и исполнять другія повинности они не отрекаются“. Губернаторъ не могъ ничего иного себѣ изъ жалобы уяснить, какъ „кроющуюся какую-то боязнь и не понятіе ихъ о дѣйствіяхъ засѣдателя“. Рѣбушкинъ объяснилъ, что онъ крестьянамъ объявилъ указъ дворянской опеки о томъ, что они по раздѣлу достались Тучкову, и должны быть въ „повиновеніи у него, но подписки не хотѣли дать. Между тѣмъ земскій судъ объявилъ, что крестьяне изъ повиновенія ни мало не выходятъ“, крестьяне достались Тучкову по Выс. повелѣнію, и думаютъ, что „по кончинѣ его получатъ они по прежнему свободу“. Управляющій Сорокинъ жаловался ардатовскому исправнику на то, что крестьяне, не смотря на отстрочки, не вносятъ слѣдуемаго съ нихъ оброку; отрѣшивъ старосту, выбрали новаго П. Иванова, бывшаго выборнаго З. Иванова побили и

„обще съ земскимъ—посадили въ желѣзо, хотѣли отдать въ рекруты“, а смѣнили его потому, что онъ ни за чѣмъ надзора не имѣетъ, какъ то: за хлѣбомъ и лугами; а земской всему мірскому обществу объявилъ, что онъ не начальникъ и ни во что входить не можетъ“, поэтому и выбрали новаго; смѣненный оказался виновникомъ въ утайкѣ денегъ за оброчные сѣнные покосы 125 р. и еще 145 р., „а въ желѣзо они посажены, дабы и прочимъ не повадно было чинить деньгамъ утайку“. Относительно платежа оброчныхъ денегъ, крестьяне заявили, что „до воспослѣдованія отъ Е. И. В. повелѣнія на поданную ихъ просьбу, въ разсужденіи отыскиваемой ими вольности платить не будутъ“. Т. о. крестьяне собственными средствами стараются защититься отъ несправедливыхъ и нечестныхъ должностныхъ лицъ и проявили достаточно пониманія въ охраненіи общественнаго, „мірского“ интереса; но воспользовавшись обстоятельствами, они идутъ дальше, домогаясь вольности, а губернское Правленіе сдѣлало выводъ, что крестьяне Тучкова „дѣлаютъ своевольства и не повинуются поставленной надъ ними власти, потому что они вздумали отыскивать себѣ мнимую свободу“. Крестьянъ по обычно заведенному порядку стали уговаривать, „и по довольномъ увѣщаніи отъ священника, дабы они у помѣщика были въ послушаніи и оброкъ платили сполна, изъ крестьянъ П. И. Ефремовъ сказалъ, что хотя голова его будетъ положена къ отсѣченію на плаху, но и за тѣмъ, „въ разсужденіи отыскиваемой вольности платить оброка и послушенъ не будетъ“; и крестьяне оказались съ нимъ солидарными. Ассесоръ Щигровскій также не достигъ никакихъ результатовъ, потому что крестьяне вовлечены въ неповиновеніе „черезъ внушеніе неблагонамѣренныхъ людей и пользующихся ихъ простотою въ увѣреніи, что они могутъ быть вольными“; повѣренные успѣли собрать по 7 р. съ тягла, а всего около 1500 р.; эти повѣренные „ходили съ просьбой въ Москву, а нынѣ находятся для того жъ въ СПБ.“ По пріѣздѣ изъ Москвы повѣренные „къ ослѣпленію своихъ собратій показывали имъ печатную бумагу, подъ названіемъ „указа, даннаго, якобы отъ самого Государя Императора на счетъ будущей ихъ вольности“; бумагу читали исправникъ и священникъ; по увѣренію исправника—это копія съ указа 22 апр. 1818 г. Одинъ изъ указовъ,

бывшихъ при Щигровскомъ, крестьянами былъ признанъ за тотъ, который показывали имъ повѣренные, и *„удивлялись, какъ онъ попалъ къ нему* (Щигровскому) въ руки". Щигровскій для того чтобы разсѣять неосновательные слухи среди крестьянъ, обратился къ священнику съ просьбой прочесть этотъ указъ крестьянамъ; но священникъ, „обратясь къ народу, сказалъ при всѣхъ, что указъ сей въ томъ, чтобы быть вольными". Отказъ священника подбодрилъ крестьянъ; стали просить асс. Щигровскаго повременить съ платежомъ оброка и какъ только „узнаютъ, что имъ вольности не будетъ, придутъ сами съ покорностью въ Симбирскъ и оброкъ заплатятъ впредь за годъ и болѣе". При попыткѣ переписать крестянъ нѣкоторые разбѣжались, нѣкоторые остались на мѣстѣ и изъявили готовность заплатить оброкъ и „со слезами просили ассесора, что если они будутъ вольные, то оброкъ былъ бы имъ возвращенъ". Противъ волнующихся крестьянъ были приняты строгія мѣры, вытребовано было калмыцкаго войска 25 чел., съ тѣмъ чтобы разставить ихъ на квартирахъ неповинующихся крестьянъ, съ отнесеніемъ расхода на содержаніе войска на счетъ крестьянъ. Къ началу весны 1819 г крестьяне уже раскаялись, стали исправлять положенныя работы и платить оброкъ; приходскій священникъ Е. Естафьевъ преданъ суду Казанской Духовной Консисторіи; виновные возмутители по приговору уголовной палаты подвергнуты тѣлесному наказанію. Если въ этомъ случаѣ волненія нельзя усмотрѣть рѣзкихъ активныхъ проявленій со стороны крестьянъ, то во всякомъ случаѣ по упорству и настойчивости, съ какой крестьяне держатся своихъ позицій, этотъ эпизодъ изъ волненій заслуживаетъ особаго вниманія еще и потому, что крестьяне аргументируютъ свое выступленіе какими-то документальными доказательствами. Правда, эти документы не имѣютъ никакой доказательной силы и повидимому крестьяне введены въ заблужденіе, однако для характеристики психологіи крестьянскихъ волненій и для того, чтобы показать убѣжденіе крестьянъ о правдѣ и справедливости, которую таятъ отъ нихъ, все это пріобрѣтаетъ очень большую цѣнность.

Выше уже мы отмѣтили о томъ сочувствіи, которое питаютъ къ крестьянскимъ волненіямъ сельскіе священники, близко къ сердцу принимавшіе интересы крестьянъ, съ которыми

ихъ связывали многоразличныя нити. Можемъ отмѣтить еще одинъ, весьма характерный случай. Въ 1818 г. произошло волненіе въ Симбирской губ., у п—цы Наумовой въ с. Репьевкѣ. Крестьяне слишкомъ рѣзко проявляли свое неудовольствіе. Когда приказчикъ еще до начала волненія послалъ крестьянъ для привоза строевого лѣса на обстройку погорѣвшихъ домовъ, священникъ С. Николаевъ, выславъ „церковниковъ", отослалъ крестьянъ назадъ, объявивъ, что по воскреснымъ днямъ указомъ воспрещено работать. По настоянію священника, ходили міромъ просить помѣщика смѣнить приказчика и десятскаго; помѣщикъ исполнилъ просьбу крестьянъ, но смѣненный приказщикъ былъ на другой день назначенъ ключникомъ. Священникъ посовѣтовалъ пожаловаться въ городъ на приказщика, который прелюбодѣйствуетъ съ женами ихъ и дочерьми и жестоко наказываетъ болѣе 17 лѣтъ. Волненіе крестьянъ дошло „до высочайшей степени", во всѣхъ барщинахъ стали собираться „потаенныя скопища". Въ ночь на 30-е мая рѣшено было собраться къ „попу", который ихъ взбунтовалъ, и „всеобщій былъ разговоръ, чтобы всѣ стояли крѣпче другъ за друга и не выдавали". „Дѣлаютъ сходбища, которыя хотя разгоняются солдатами, но послѣ опять скоро собираются", и отвѣчали крестьяне, что „они всѣ за одно стоятъ". Протопопъ А. Милоновъ, благодаря назиданію въ теченіе 6-ти часовъ, привелъ крестьянъ къ раскаянію: „пали на колѣни, просили прощенія", при видѣ креста и евангелія крестились и просили прощенія.

Переходимъ къ разсмотрѣнію волненій среди заводскихъ крестьянъ. Къ переселенію на заводы крестьяне всегда относились весьма враждебно. Причинъ было много: неприспособленность земледѣльца къ заводскому и фабричному труду, необорудованность и бѣдность фабрикъ и заводовъ, отсюда необезпеченность рабочаго, слабый надзоръ со стороны администраціи и многое другое. Крестьяне, переселяемые на заводы, проявляютъ весьма большое упорство и неповиновеніе. Въ 1812 г. крестьяне над. сов. Яковлева, купленные у помѣщицы Щербинской въ Новгородской губ., отказались переселиться на Вятскіе заводы. Совѣтникъ Уголовной Палаты не могъ съ нами справиться, ибо при приближеніи его обще съ земскимъ исправникомъ, конвойнымъ офицеромъ, благо-

чинным священником къ дер Куряновской, „вышли на встрѣчу въ поле вооружешные копьями, дубинами и топорами“. Совѣтникъ старался истолковать крестьянамъ, что Щербинина законная владѣлица имѣнія и имѣла основанія продать ихъ Яковлеву. Крестьяне доказывали, что согласно раздѣльной Щ—на не имѣла права ихъ продавать. Изъ жалобы крестьянъ удалось узнать, что Яковлевъ „похваляется“ немалое количество переселить ихъ на Вятскіе заводы, другихъ вывести на иныя мѣста, „почему изъ нихъ всѣ молодые желаютъ итти въ военную службу“. Черезъ повѣренныхъ своихъ крестьяне подали прошеніе о пріемѣ ихъ въ казну, а до полученія отвѣта отъ государя отказались кому бы то ни было повиноваться и заявили, что „произвольно живыя въ руки не дадутся“, „во владѣніе его (Яковлева) итти не согласны, развѣ всѣхъ ихъ изрубятъ и отдадутъ ему одни трупы“. Не допустили ввода во владѣніе Яковлева. Высочайшимъ Указомъ 31 іюля 1802 г. было разрѣшено покупать крестьянъ для работъ на фабрикахъ и заводахъ изъ губерній, „расположенныхъ къ заводамъ или фабрикамъ поблизости“, съ условіемъ при переселеніи крестьянъ не разстраивать хозяйства крестьянскаго; и крестьяне съ переселеніемъ не теряли правъ на владѣемыя ими земли. Покупку въ губерніяхъ отдаленныхъ отъ фабрикъ и заводовъ, предполагающую „неизбѣжное крестьянамъ разореніе, вовсе запретить;“ владѣльцамъ такихъ фабрикъ и заводовъ было разрѣшено „единственно наймомъ вольныхъ работниковъ исправляться“ или пользоваться отправляемыми „въ работу по приговорамъ присутственныхъ мѣстъ“. Отчаянное сопротивленіе вызвало необходимость строгаго изслѣдованія положенія крестьянъ, что Новгородскимъ гражд. губернаторомъ было возложено на череповскаго предводителя дворянства. Опасаясь угрозъ крестьянъ Яковлева, предводитель дворянства не осмѣлился выѣхать въ вотчину, но сталъ собирать свѣдѣнія *„постороннимъ образомъ подъ видомъ любопытства чрезъ добросовѣстныхъ сосѣднихъ жителей“*. Такой способъ изслѣдованія не можетъ быть признанъ обезпечивающимъ точность и достовѣрность добытыхъ свѣдѣній. Предводителю удалось узнать, что крестьяне владѣютъ хорошаго качества землей, достаточной для хлѣбопашества, „изобильными“ сѣнокосами, заняты ковкой гвоздей, „въ знатномъ количе-

ствѣ", гвозди куютъ на господина, получая съ пуда 25 коп. „лишняго противъ вольной цѣны", оброка платятъ 15—17 р. съ души, тогда какъ сосѣдніе крестьяне, не имѣя этихъ выгодъ, платятъ 10—14 р.; помѣщикъ не отягощаетъ крестьянъ работами, только выслалъ 160 чел. на желѣзные заводы на время; приказчикъ, исполняя волю помѣщика, былъ принужденъ наказывать ослушниковъ, *„но совсѣмъ не жестоко"*, т. е., по мнѣнію череповскаго предводителя дворянства, у крестьянъ никакихъ основаній недовольства, тѣмъ болѣе возмущенія не было, „кромѣ *нехотѣнія* быть за помѣщикомъ Яковлевымъ" и дошедшихъ до крестьянъ „ложныхъ слуховъ", что взятые на заводъ крестьяне навсегда тамъ останутся и другіе туда переведены будутъ; главнѣйшее основаніе недовольства и волненія „происходитъ *отъ привычки ихъ къ своевольству и буйству* во время свободной жизни за прежними помѣщиками", безпорядочности ихъ управленія. Изслѣдованіе ничего другого обнаружить и не могло при тѣхъ способахъ, къ которымъ прибѣгалъ изслѣдователь. Къ тому же предводитель дворянства едва-ли могъ отнестись объективно къ возложенной задачѣ, когда самъ онъ принадлежалъ къ тому же классу, и съ опаской принялся за дѣло изслѣдованія. Правильнѣе, хотя и односторонне, посмотрѣлъ на дѣло новгородскій губернаторъ, который въ происшедшемъ винилъ поспѣшное распоряженіе Яковлева взять крестьянъ-хлѣбопашцевъ на отдаленные заводы; „будучи привязаны къ родинѣ", опасались, что навсегда останутся въ работникахъ на заводѣ. Къ волнующимся крестьянамъ выѣхалъ Моденскаго монастыря архим. Паисій. Туда же направился полковникъ Чуйкевичъ. Его убѣжденія мало помогли: воинскую команду „отражали сильно и отчаянно", захватили совѣтника губ. Правленія Никифорова и „не пощадили ничего къ его изувѣченію", но онъ случайно спасся. Крестьяне разсѣялись по лѣсамъ и мхамъ, откуда взять ихъ оказалось невозможнымъ. Въ с. Грашкинѣ найдено убитыми 20 чел. и раненыхъ „не мало"; раненными оказались тит. сов. Кайсаровъ, маіоръ Майдаровъ получилъ нѣсколько ударовъ въ спину, полк. Чуйкевичъ не избѣгъ ружейной дроби по ногамъ. Крестьяне изъявили готовность „умереть въ одномъ мѣстѣ въ сдѣланной ими въ приходской церкви оградѣ." На предложенія взять копію съ постановленія гу-

бернскаго правленія о требованіи послушанія со стороны крестьянъ они отвѣчали, что „бумагъ у нихъ валяются цѣлые коробья, а нужно имъ видѣть *руку самого государя* и должны оной повиноваться“. Въ одинаковой степени волновались какъ череповскіе, такъ и вологодскіе крестьяне. Только военной силой удалось сломить упорство крестьянъ. За одно съ крестьянами дѣйствовалъ дьяконъ с. Гришкина Е. Матвѣевъ, „весьма дурныхъ свойствъ“. Относительно вологодскихъ крестьянъ Комитетъ Министровъ, отъ 4 апрѣля 1812 г., постановилъ воспретить переводъ купленныхъ крестьянъ и возвратить переведенныхъ. По усмиреніи „ожесточенныхъ умовъ“ вологодская Уголовная Палата судила виновныхъ въ волненіяхъ и постановила: 4 чел. наказать при собраніи прочихъ кнутомъ, а 3-мъ изъ нихъ вдобавокъ вырѣзать ноздри и, выклеймя, сослать въ Сибирь, въ каторжную работу; прочихъ 319 чел. освободила отъ наказанія, тѣмъ болѣе, что въ назиданіе имъ уже были наказаны другіе.

Крестьяне корнета Яковлева въ 1812 г., приписанные къ горнымъ заводамъ Пермской волости, въ Шадринской округѣ, въ волостяхъ Калиновской, Ильинской, Троицкой, Тамаркульской, Новодеревенской, Клеванинской, Скопинской, Красноярской, приписанные къ заводамъ Гороблагодатскимъ и Верхъ-Исетскимъ, стали ослушными по оффиціальной характеристикѣ отъ „злонамѣренныхъ разглашеній и внушеній“ и „превратнаго толкованія узаконеній“. Приписные отказались отъ исполненія работъ на томъ основаніи, что „приписные съ 1812 г. непремѣнно должны быть освобождены отъ заводскихъ работъ“; по мнѣнію другихъ, въ новой переписи „о заводскихъ работахъ ничего не сказано“. Увѣренность крестьянъ была настолько глубокой, что они ссылались на изданный якобы въ 1811 г. указъ подобнаго содержанія; избрали повѣреннаго, обязавъ его достать этотъ указъ. Одинъ изъ повѣренныхъ, по оффиціальному свидѣтельству, „пользуясь слабостью ума крестьянъ“, увѣрилъ ихъ, что на его имя присланъ въ Шадринскъ указъ съ „*золотою строкою*“, которымъ „приписные крестьяне отъ заводскихъ работъ освобождены“, а если кто нибудь изъ нихъ будетъ работать, то вѣчно останутся при заводахъ“. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ были найдены люди, „разглашающіе необязательность ихъ

(крестьянъ) работать при заводахъ", и у нихъ были копіи съ доклада Выс. Утв. 23 іюня 1803 г. Этотъ документъ, столь цѣнный въ глазахъ крестьянъ, заключалъ предварительныя правила относительно укомплектованія заводовъ непремѣнными рабочими, вмѣсто приписныхъ крестьянъ, и освобожденія отъ заводскихъ работъ приписныхъ крестьянъ; по разъясненію Министра Финансовъ отъ 15 марта 1807 г. правила относительно укомплектованія заводовъ непремѣнными работниками вмѣсто приписныхъ были утверждены въ томъ смыслѣ, что до 1814 г. заводы должны были быть наполнены нужнымъ количествомъ ихъ, чтобы къ 1 мая 1813 г. „всѣ крестьяне приписные къ частнымъ заводамъ были совершенно свободны отъ заводскихъ работъ"; до укомплектованія непремѣнными рабочими какъ частныхъ, такъ и казенныхъ заводовъ „приписные крестьяне обязаны исправлять заводскіе работы". Такъ какъ Гороблагодатскій и Верхъ-Исетскій заводы Яковлева не были еще укомплектованы непремѣнными работниками, то приписные должны были исправлять работы при Гороблагодатскомъ заводѣ по май 1814 г., при Верхъ-Исетскомъ по май 1813 г. Крестьяне же, можетъ быть, не безъ посторонняго внушенія, понимали докладъ 1803 г. такъ, что они немедленно должны получить освобожденіе и опасались, что Яковлевъ хочетъ удержать ихъ на заводахъ навсегда; это было, конечно, толкованіе наиболѣе благопріятное и болѣе соотвѣтствующее психологіи крестьянъ. Во избѣжаніе „дурного примѣра", крестьяне „кроткими увѣщаніями и убѣжденіями" были успокоены.

Весьма характернымъ должно быть признано волненіе заводскихъ крестьянъ Пашкова въ Оренбургской губ. Здѣсь мы знакомимся со всѣми типичными проявленіями крестьянскаго недовольства. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ положеніи, въ которое становилось правительство, когда дѣло касалось помѣщиковъ. Во всѣхъ случаяхъ крестьянскихъ волненій правительство старалось прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ и за рѣдкими исключеніями стояло за строгое и рѣшительное возмездіе; но когда слишкомъ очевиднымъ становилось упорство, своеволіе и злоупотребленіе помѣщичьей властью, то правительство медлило, прибѣгало къ полумѣрамъ. 13 іюня 1813 г. крестьяне Пашкова жаловались верхоуральскому земскому исправнику на притѣсненія

заводскаго управляющаго Полянскаго. „Въ заводѣ нерѣдко собирались человѣкъ по 200 и по 300 и болѣе“, производя „вздорные крики“ на управляющаго. Въ ноябрѣ крестьяне уже успокоились, но въ концѣ 1814 г. вспыхнуло новое волненіе, которое вызвало вмѣшательство властей. Обнаружилось угнетенное состояніе крестьянъ П-ва, своевольныя его распоряженія, несообразныя съ законами и распоряженіями властей. Высшая администрація оказалась безсильной положить предѣлъ своеволію и безпорядкамъ на заводѣ. Слѣдствіе, произведенное чиновникомъ Оренбургской гражданской палаты Благушинымъ подтвердило основательность крестьянскихъ жалобъ на притѣсненія. Въ первую очередь Благушинъ распорядился, чтобы „на заводѣ мастеровые и рабочіе люди не были наказываемы безвинно и жестоко“. Крестьяне раскрыли Б-ну печальную картину своего положенія на заводѣ: крестьяне не получали платы за работы, „за неимѣніемъ нужной одежды, обуви и хлѣба, не имѣютъ возможности сносить голода, холода, и видя притомъ наказаніе, чинимое отъ приказчиковъ“; представили крестьянина „закованнаго въ рога“, другихъ „съ выстриженными головами“, просили хлѣба и соли, смѣны управляющаго Полянскаго и приказчиковъ Возмилкина и Валавина. 5 дек. 1814 г. въ Верхнеуральскъ явилась толпа въ 386 чел. съ требованіями „утвердить на основаніи горнаго учрежденія о заводскихъ крестьянахъ и ихъ на такомъ положеніи въ работахъ и въ произвожденіи имъ платы“ и „по общему желанію“ просили поручить управленіе заводомъ кр. Домнину, жаловались на невозможность работать „по обременительному отъ управляющаго Полянскаго и несоразмѣрномъ съ силами человѣческими налогу и уроками въ работахъ“. Въ результатѣ изслѣдованія Б-нъ могъ въ дек. 1814 г. представить Комитету Министровъ общую картину состоянія крестьянъ на заводѣ Пашкова, а именно: „крестьяне на всѣ заводскія работы употребляемые въ продолженіе 4-хъ лѣтъ не только не получали опредѣленной за работы платы, но и съ нихъ, хищнымъ образомъ, дѣлаемы были подъ разными предлогами вычета за пережженный уголь и чугунъ, вмѣсто положеннаго вдвое, и тѣмъ начли на каждаго рабочаго значительную сумму“ и крестьяне доведены до совершеннаго разоренія. Пашковъ между тѣмъ вмѣсто того, что разсѣять выдви-

гаемыя противъ него обвиненія, просилъ не удалять П—го, ввести крестьянъ въ повиновеніе „силою законовъ“, поручить разслѣдованіе „надежнымъ чиновникамъ“, удалить Б-на и его помощниковъ, перваго онъ обвинялъ въ потворствѣ крестьянамъ. Министръ Финансовъ въ отвѣтъ на жалобу П—ва послалъ чин. Мерзлякова, не подчиненнаго Б-ну. Съ другой стороны, какъ бы признавая основательность слѣдствія, губернаторъ вмѣсто Полянскаго управляющимъ назначилъ Никифорова и въ сообщеніи отъ 21 янв. 1815 г. онъ могъ говорить о томъ, что среди крестьянъ открытаго волненія нѣтъ, только ропотъ „отъ крутого управленія служителя Полянскаго“. Т. о. 13 марта 1815 г. Комитетъ Министровъ слушалъ записку о возстановленіи порядка на заводѣ Пашкова съ объясненіями Оренбургскаго военнаго губернатора касательно причинъ волненія, совпадающими какъ съ данными слѣдствія Благушина, такъ и съ жалобами крестьянъ. Правда, губернаторъ указывалъ, что свѣдѣнія собиралъ „частно“. Поводовъ къ неповиновенію, по мнѣнію губернатора, у крестьянъ было достаточно и довольно серьезныхъ: 1) суровое управленіе П-го, 2) „несовершенная выдача имъ (крестьянамъ) заработанныхъ денегъ и хлѣба“, 3) „употребленіе ихъ въ работы безъ всякой платы“, 4) „3 года чинимы были непомѣрные вычеты за недоработу своихъ уроковъ въ ковкѣ желѣза, въ жженіи, въ возкѣ угля и пр.“ 5) у нѣкоторыхъ крестьянъ, какъ будто для завода, брали ихъ собственныя деньги, что значится въ конторскихъ книгахъ, 6) народъ трудолюбивый, но отъ бездѣлія послѣ прекращенія работъ „начали дѣлать небольшія скопища и, *по сходному простолюдинамъ легкомыслію*, между собой разсужденіями, отъ коихъ заразились разномысліемъ до такой степени, что впадали въ заблужденія“, предлагали свой планъ реформъ заводскаго управленія и работъ; поэтому губернаторъ рѣшилъ „обуздать ихъ слабоуміе“ при помощи команды въ 800 чел., учинивъ надъ нѣкоторыми изъ крестьянъ „умѣренное понужденіе“. Признавая серьезныя нарушенія на заводѣ со стороны управляющаго, которыя и вызвали волненія среди крестьянъ, губернаторъ тѣмъ не менѣе виновными призналъ крестьянъ, надъ которыми было учинено еще „понужденіе“. Это противорѣчіе въ дѣйствіяхъ губернатора станетъ еще рельефнѣе, если обратимъ вниманіе на донесе-

ніе отъ 28 апрѣля 1815 г., въ которомъ губернаторъ распространяется о бѣдственно-матеріальномъ положеніи завода П-ва, о необходимости немедленной помощи заводу подъ обезпеченіе наличнаго на заводѣ металла; въ случаѣ неудовлетворенія этихъ нуждъ губернаторъ не ручался за спокойствіе. Крестьяне завода были совершенно успокоены, убрана была военная команда, чтобы „не подать повода успокоеннымъ съ немалымъ затрудненіемъ крестьянамъ къ новому по ихъ невѣжеству волненію. „Заводчикъ П-въ совершенно равнодушно относился ко всему тому, что происходило на заводѣ и только въ жалобѣ 14 мая 1814 г. П-въ извѣщалъ о новомъ неповиновеніи крестьянъ новому управляющему, о самовольномъ смѣщеніи приказчика Валавина, говорилъ еще о томъ, что крестьяне не берутъ сѣмянъ для посѣва ярового. Жалоба оказалась вымышленной; наоборотъ, работники по неимѣнію хлѣба были доведены до такой крайности, что нѣкоторые принуждены просить „мірского подаянія“, а П-въ пишетъ совсѣмъ „противное“, Валавина и конторщика отрѣшило Горное Правленіе. Крестьяне П-ва „для хлѣбопашества за неимѣніемъ своей земли нанимали или брали оную по частямъ изъ оброку сосѣднихъ владѣльцевъ башкирцевъ“. Крестьянамъ „для распашки земли удобнаго времени не даютъ“, удобную отобрали подъ господскую пашню, „да за обѣщанными сѣменами заставляли нѣкоторыхъ ѣхать въ Верхоуральскъ къ купцу Смирнову, а въ заводѣ Бѣлорѣцкомъ объявляютъ, чтобы они молотили въ господскомъ гумнѣ“. Такъ какъ тяжелое матеріальное положеніе завода стало очевиднымъ, то Комитетъ Министровъ 15 сент. 1815 г. постановилъ „*внушить*“ П-ву обезпечить заводскихъ крестьянъ, а горное управленіе обязано было выдать крестьянамъ средства для существованія за счетъ П-ва: но П-въ оставался глухимъ ко всѣмъ внушеніямъ“. Поэтому комитетъ Министровъ 25 сент. 1815 г. предоставилъ Министру Финансовъ право послать нарочнаго въ Пермское Горное Управленіе, „дабы оно (лицо) ни мало не медля распорядилось къ снабженію завода деньгами и хлѣбомъ на счетъ Пашкова“, а также объявить П-ву, что если онъ самъ не обезпечитъ завода, то „отъ него, какъ отъ не пекущагося о продовольствіи крестьянъ, *за неоднократными ему подтвержденіями*, и затрудняющаго начальство безпрерывными о томъ

переписками, заводъ будетъ взятъ на основаніи законовъ въ казенное управленіе". Въ виду явнаго уклоненія П-ва отъ обезпеченія крестьянъ, пермское Горное Управленіе командировало своего комиссіонера Мерзлякова, на правахъ управляющаго, и отпустило для заводскаго довольствія 10 т. р. П-въ остался недоволенъ распоряженіями правительства и „отозвался, что для употребленія просьбъ своихъ отправляется въ Санктъ-Петербургъ". Оренбургскій военный губернаторъ, давая заключеніе о состояніи Бѣлорѣцкаго завода, отмѣтилъ, что П-въ главный виновникъ „неустройства на заводѣ", что всѣ безпорядки произошли отъ того, что Полянскій, управляющій, „руководствовался человѣколюбивѣйшими приказаніями господина своего, а отъ того и волненіе крестьянъ и происходило", поэтому и возникъ вопросъ о „пресѣченіи столь противозаконныхъ дѣйствій". Слишкомъ очевидно было нежеланіе П-ва упорядочить дѣла на заводѣ, крестьяне волновались въ виду бѣдственнаго и безвыходнаго положенія, что не отрицается властями; однако въ результатѣ виновными оказывались крестьяне. Министръ Финансовъ въ ноябрѣ 1815 г. признавалъ, что поведеніе Пашкова, весь образъ его дѣйствій далеки отъ правды; однако правительство не предпринимаетъ ничего такого, что почему либо могло поколебать престижъ помѣщика; распоряженія и дѣйствія П-ва, явно незаконныя, М. Ф. совѣтуетъ считать *„заслуживающими уваженія* только потому, что они дѣлаются отъ *помѣщика на крѣпостныхъ людей*"; требованіе крестьянъ вродѣ того, чтобы управляющій заводомъ избирался съ ихъ согласія, „неумѣстно, ибо если отнять у помѣщиковъ волю избирать правителей надъ людьми и заведеніемъ ему принадлежащимъ, то можно ли признать его полнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ оныхъ". Свобода и самостоятельность въ дѣйствіяхъ П-ва, очевидно, зиждилась на убѣжденіи, что правительство должно съ нимъ обращаться бережно, чтобы не умалить его дѣйствій, какъ помѣщика и хозяина-правителя. Но такъ какъ безпорядокъ въ заводскомъ управленіи никѣмъ прекращенъ не былъ, то Министръ Финансовъ предложилъ проектъ комиссіи, которая должна была упорядочить все заводское управленіе. Комиссія въ дѣлахъ, не превышающихъ компетенціи Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, должна была вершать всѣ свои постанов-

ленія и рѣшенія; она должна была составиться изъ 2-хъ чиновниковъ, назначенныхъ Горнымъ Правленіемъ, изъ предсѣдателя, „одного изъ значущихъ и заслуживающихъ довѣрія чиновниковъ“ и секретаря по судной части. Обязанность комиссіи—разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ заводской жизни, вопросъ о платѣ рабочимъ, о числѣ рабочихъ часовъ на заводѣ. Въ опредѣленіи заработной платы комиссія обязана была руководиться не только тѣмъ, чтобы „работающій могъ быть съ семействомъ своимъ сытъ, но и чтобы по мѣрѣ прибыли пріобрѣтаемой заводчикомъ былъ доволенъ“, ибо нельзя сохранять излишнюю выгоду заводскихъ людей во вредъ первому. Комитетъ Министровъ одобрилъ проектъ учрежденія комиссіи, но предложилъ ввести „по распорядительной части членомъ оной“ Пашкова или довѣреннаго отъ него чиновника. Комиссія въ шесть мѣсяцевъ должна была упорядочить всѣ отношенія на заводѣ 25 тыс. руб., ассигнованныхъ П-вымъ, и 10 т р. пермскимъ Горнымъ Управленіемъ для продовольствія заводскихъ крестьянъ оказались недостаточными къ серединѣ 1816 г, а такъ какъ П-въ болѣе на помощь заводу не приходилъ изъ нежеланія ли добровольно управлять заводомъ или въ силу матеріальной необезпеченности, и такъ какъ пермское Горное Правленіе болѣе не могло субсидировать заводъ П-ва, то Ком Министровъ 9 іюня 1816 г. постановилъ объявить П-ву обезпечить заводъ, въ противномъ случаѣ П-ву еще разъ угрожали строгими взысканіями, „какія *упрямство* и необходимость его *вынудятъ*“. Къ началу мая 1816 г на заводѣ совершенно были успокоены волнующіеся крестьяне Комиссія, засѣдавшая на заводѣ 24 мая 1817 г., постановила для предупрежденія буйства и волненія, а также для окончательнаго водворенія спокойствія и „для утвержденія въ крестьянахъ должнаго начальству и помѣщику послушанія“, наиболѣе своевольныхъ, бросившихъ работы въ числѣ 450 чел, виновныхъ въ возбужденіи неповиновенія и въ другихъ „законопротивныхъ поступкахъ“ подвергнуть наказанію: 2—кнутомъ, 52—плетьми, 16—ссылкѣ въ Иркутскъ на поселеніе, 15—на Екатеринбургскіе золотые промыслы въ горную работу на годъ. Таковъ былъ финалъ дѣла, начатаго въ 1813 г. и оконченнаго въ половинѣ 1818 г. Разсмотрѣнное дѣло характерно, какъ показатель своеволія помѣщика и безсилія

высшихъ властей сломить упорство помѣщика и принудить его къ непреклонному исполненію прямыхъ обязанностей.

Въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ оказались крестьяне надв. сов. Яковлева, купленныя въ Ярапскомъ у. для переселенія па Холуницкіе заводы гдѣ сильно волновались крестьяне въ 1815 г. Крестьяне добивались возвращенія на прежнее жилище, просили о дарованіи свободы и пріема въ коронное вѣдомство. Крестьяне па заводѣ оказались размѣщенными въ тѣснотѣ, для крестьянъ владѣлецъ завода выстроилъ помѣщеніе, но контора не рѣшалась помѣстить ихъ тамъ, „опасаясь побѣговъ". Изслѣдователь флигель-адъют. Панкратьевъ, входя „не въ одни формальныя наружности", свидѣтельствовалъ о бѣдственномъ положеніи крестьянъ; привыкнувъ къ хлѣбопашеству и жизни въ „счастливомъ избыткѣ", крестьяне лишены собственности и *„погнаны, какъ стадо скотовъ"* изъ „мирныхъ" жилищъ въ каторжную, ибо „работа на холуницкихъ заводахъ также трудна, какъ въ нерчинскихъ". Переходъ отъ земледѣльческой жизни къ заводской былъ такъ труденъ для крестьянъ, что въ теченіе года погибла 1/6 часть. Крестьянъ заставляли работать отъ 10—12 ч. Плату какъ будто и получали высокую, но контора снабжала рабочихъ провіантомъ и одеждой и „имѣя совершенную монополію сихъ предметовъ", крестьянамъ столько насчитывали, что всѣ оказались въ долгу предъ конторой; контора отпускала крестьянамъ муку и соль, иногда солодъ; при переселеніи крестьянъ на заводы были отняты у нихъ деньги и лошади изъ боязни побѣговъ, т. е. *„участь ихъ (крестьянъ) весьма похожа на участь негровъ, кои томятся въ американскихъ плантаціяхъ"* (выраженіе флиг.-ад. Панкратьева). Несмотря на столь вѣрную оцѣнку положенія крестьянъ, П-въ не входилъ въ разсмотрѣніе, „можно ли *изъ состраданія къ несчастнымъ* возвратить ихъ на прежнія жилища или сколь *вредно* будетъ сіе *для общественной пользы"*. Повѣренный крестьянъ не былъ подвергнутъ наказанію П-вымъ, ибо его показанія подтвердились, а потому не счелъ себя въ правѣ „сдѣлать его несчастнымъ", равно и наказаніе зачинщиковъ должно быть произведено осторожно, ибо въ дѣлѣ семъ *„виновны не нѣкоторые буйные люди, но вообще отчаяніе"*. Комитетъ Министровъ на этомъ основаніи постановилъ: находя, что заводская работа трудна сама по себѣ

и что горное производство должно быть поощряемо, 1) крестьянъ, водворенныхъ на Холуницкихъ заводахъ оставить, 2) внушить крестьянамъ черезъ вятскаго губернатора повиновеніе, 3) контору обязать не злоупотреблять при выдачѣ припасовъ и одеждъ, платить рабочимъ деньги, чтобы привязать ихъ къ новой жизни. Государь повелѣлъ послѣ ознакомленія съ дѣломъ „скорѣе заняться Государственному Совѣту составленіемъ положенія о переводѣ крестьянъ вообще“, Государственный Совѣтъ и Министръ Финансовъ приступили къ выполненію порученія, ибо дѣло касалось „страждущаго человѣчества“. Дѣло о волненіи на Вятскихъ Холуницкихъ заводахъ окончилось въ ноябрѣ 1817 г.; виновники возмущенія и ходаки получили 20 ударовъ кнутовъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей и поставленіемъ знаковъ на лбу и на щекахъ; наконецъ, ихъ отправили въ Нерчинскъ въ каторжныя работы.

Положеніе казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ было сравнительно лучше, чѣмъ частновладѣльческихъ, помѣщичьихъ. Помѣщичьи крестьяне, вырываясь изъ зависимости, часто заявляютъ требованіе объ отчисленіи ихъ въ казну; на какихъ реальныхъ данныхъ умозаключало крестьянство о предпочтительности нахожденія въ казенномъ владѣніи, сказать трудно; но во всякомъ случаѣ положеніе казеннаго крестьянина представлялось болѣе выгоднымъ. Дѣйствительно, были кое-какія основанія для предпочтенія этой жизни, хотя бы потому, что удѣльные и казенные крестьяне не знали надъ собой непосредственной власти помѣщика - хозяина; но въ эпоху крѣпостного права, эпоху полнаго непризнанія за личностью крѣпостного личныхъ и юридическихъ правъ, крестьянинъ попадалъ въ невыгодныя для себя позиціи. По этому удѣльные и казенные крестьяне испытывали и переживали всѣ невзгоды своего безправнаго положенія. Если отсутствіе непосредственной хозяйской руки и ставила этихъ крестьянъ въ относительно выгодныя условія, то за то тѣ органы управленія, которыя дѣйствовали въ удѣльныхъ и казенныхъ помѣстьяхъ, не всегда удерживались въ рамкахъ законныхъ, границы которыхъ весьма смутно памѣчались, а потому намъ приходится считаться со многими случаями проявленія крестьянскаго недовольства, съ волненіями, въ особенности среди удѣльныхъ крестьянъ. Въ 1815 г волновались крестьяне

дер. Медвѣдокъ, Гжатскаго у., Смоленской губ., Липецкаго удѣльнаго приказа. „Превратнымъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ неблагосмыслящихъ людей Выс. манифеста 30 авг. 1814 г.“, „будто всѣ вообще подати прощены по 1814 г.“, крестьяне отказались ихъ вносить, „именующихся повѣренными отъ нихъ не выдали“, вооружились, произвели нѣсколько выстрѣловъ и готовы были „на самое отчаянное предпріятіе“ Виновныхъ въ неправильномъ истолкованіи манифеста рѣшили задержать, это были: гжатскій купецъ Богдановъ, экономическій крестьянинъ Е. Егоровъ, священникъ Ѳ. Спиридоновъ. Чиновникъ гжатскаго Земскаго Суда читалъ на сходкѣ статьи изъ манифеста 30 авг. 1814 г. Выставлена была и воинская команда „съ ружьями и боевыми патронами для преданія оной большой важности“. Губернскому стряпчему—слѣдователю жаловались на строгости со стороны удѣльныхъ властей, что выразилось въ томъ, что 1) „якобы никакого пособія имъ (крестьянамъ) за претерпѣнное отъ непріятеля разореніе не исходатайствовано и что взысканіе съ нихъ оброчныхъ денегъ, кои Всемилостивѣйше прощены, производимо было съ большимъ наказаніемъ“, 2) „что при наступленіи весны не имѣютъ на засѣвъ хлѣба и черезъ сіе и совершенное разореніе“ Управляющій губерніей обвинялъ гжатскій земскій судъ въ томъ, что онъ оказалъ „крайне неблагоразумныя упущенія и даже послабленія крестьянамъ къ своевольству“. На мѣсто дѣйствія волнующихся крестьянъ М-ръ удѣловъ командировалъ т. с. Хоревича. Крестьяне вооружились ружьями и кольями и заявили, что до возвращенія повѣренныхъ изъ Петербурга никого не намѣрены слушать. „Гжатскій Земскій Судъ за оказанное имъ по сему дѣлу упущеніе преданъ суду Уголовной Палаты“, объвинялся судъ въ томъ, что онъ не забралъ возмутителей крестьянъ, допустилъ бѣгство трехъ зачинщиковъ волненія, отбиралъ претензію крестьянъ. Волнующихся крестьянъ въ Златоустовской волости было 2514, Клушинской волости вмѣстѣ съ с. Медвѣдкомъ 1726 душъ. Управляющій удѣльной конторой въ іюнѣ 1815 г. собралъ сходку „изъ однихъ первостатейныхъ и неподозрительныхъ людей „для внушенія и вразумленія“; спокойствіе не водворилось, тѣмъ болѣе, что 22 мая клушинскіе крестьяне черезъ неизвѣстнаго гжатскаго купца получили письмо отъ повѣренныхъ

изъ Петербурга, „будто отъ нихъ поданы просьбы вдовствующей Императрицѣ и Министру удѣловъ, по которымъ якобы обѣщано имъ (клушинскимъ крестьянамъ) полное удовлетвореніе вообще и Златоустовской волости“, на издержки по веденію дѣла повѣренные просили 600 р. Крестьяне предъявили свои требованія смѣнить старосту и писаря и на мѣсто ихъ разрѣшить „выбирать въ годъ три раза“; не будучи удовлетворены въ прежнихъ требованіяхъ, „станутъ слушаться одного только земскаго суда“, „ненужны служащіе нынѣ старшины“. Въ самомъ дѣлѣ, крестьяне послѣ изгнанія непріятеля „найдены въ весьма разстроенномъ положеніи“ въ с. Клушинѣ, деревняхъ Кеpечковой и М. Смичинѣ; платежи требовались только съ тѣхъ, которые имѣли возможность платить, „непозволенныхъ средствъ къ ихъ понужденію и вымогательства не происходило“ (т. сов. Хоревичъ). Крестьяне Клушинскаго участка 446 душъ отказались отъ всякаго пособія, заявивъ, что пособія ожидаютъ „отъ высшаго начальства на посланную къ нему съ повѣренными просьбу“. По мнѣнію Хоревича, кромѣ внушенія и посторонняго вліянія на крестьянъ подѣйствовали „несообразныя, а можетъ быть неблагопамѣренныя дѣйствія земскаго суда“. 13 іюля 1815 г. была расквартирована военная команда въ 640 чел. въ наиболѣе важныхъ мѣстахъ. Приказный староста В. Яковлевъ, „нарушивъ должность свою и присягу“, присоединился къ волнующимся крестьянамъ, а потому „многія начальственныя предписанія, кои принадлежатъ приказу, но бывъ имъ перехвачены, остались безъ всякаго исполненія и свѣдѣнія“ Послѣ примѣненія рѣшительныхъ мѣръ и послѣ того какъ были забраны 40 человѣкъ, какъ зачинщики, крестьяне присмирѣли, просили освобожденія заключенныхъ, перемѣны приказнаго головы, Яковлева; но „если крестьяне *удовлетворены были* въ одномъ требованіи, то *остались бы увѣренными, что они имѣютъ право* и что начальство обязано исполнить и другія ихъ преступныя желанія“. Раскаяніе было видимое и „одинъ токмо страхъ оружія удерживалъ ихъ обнаружить настоящее свое буйное расположеніе“. Крестьяне вознамѣрились освободить заключенныхъ; „пойдемъ выручать старосту міромъ и примѣняя къ оному прошедшіе примѣры, что „міръ великое дѣло“. По мнѣнію губернатора, „закоренѣлое въ крестьянахъ невѣжество“ можно истребить только

наказаніемъ, „по крайней мѣрѣ изъ 10 человѣкъ одного плетьми“, чтобы „восчувствовали всю тяжесть сдѣланныхъ ими преступленій и власть правительствъ“, чтобы другіе не соблазнились и чтобы „паче чаянія не поселить отъ слабости наказанія вреднаго соблазна на другія казенныя и владѣльческія вотчины“, взять въ рекруты одного изъ 50-ти; т. о. можно будетъ „искоренить буйство и неповиновеніе глубоко корень свой распространившее“. Правительствующій Сенатъ высказалъ свою оцѣнку событіямъ, происшедшимъ среди крестьянъ Липецкаго Удѣльнаго Приказа (24 янв. 1816 г.): 1) смоленскій гражд. губернаторъ и Палата Уголовнаго Суда виновны въ томъ, что не приняли надлежащихъ мѣръ для усмиренія крестьянъ, 2) гражд. губернаторъ „не вошелъ въ изысканіе по препорученію ему г. Сенатора П. Каверина сдѣланнаго, вполнѣ ли получили тѣ крестьяне опредѣленное имъ Г. Министромъ Финансовъ пособіе“ и доставленное губернатору отъ сенатора предписаніе для раздачи и прочтенія въ волости на мірскихъ сходкахъ оставилъ безъ исполненія 3) Смоленская Уголовн. Палата, получивъ дѣло отъ гжатскаго Уѣзднаго Суда въ началѣ сентября 1815 г., разсмотрѣла его въ концѣ октября, „каковая медленность, происходившая со стороны палаты даже и за сдѣланными ей начальника губерніи напоминаніями есть непзвинительна“. Палата „входила въ разсмотрѣніе дѣла сего не съ должнымъ вниманіемъ“, а потому за невыполненіе начальническаго порученія и за преждевременное предназначеніе крестьянамъ строгой мѣры наказанія объявлено губернатору замѣчаніе, за упущенія Смоленская Палата Уголовнаго Суда, ея присутствіе и секретарь были отштрафованы въ 500 р. по количеству получаемаго ими жалованія. Въ приведенныхъ упущеніяхъ и медленности можно было обвинить всѣ инстанціи низшія и губернскія въ большинствѣ случаевъ, это было общее зло административнаго управленія и въ рѣдчайшихъ случаяхъ, подобно настоящему, вызывало соотвѣтствующую кару. Если мы сравнимъ суровую кару, которая должна была обрушиться на липецкихъ крестьянъ, съ тѣмъ воздѣйствіемъ, къ которому прибѣгало правительство для обузданія оренбургскаго помѣщика Пашкова, то увидимъ, что власть въ началѣ XIX в. проявляла двоякую справедливость: одну къ помѣщику, другую къ кресть-

янину-рабу. Тамъ снисходительность, нерѣшительность власти, здѣсь строгость и нерушимость закономъ установленныхъ отношеній.

Заключеніе.

Нашъ бѣглый очеркъ, конечно, не даетъ основаній для окончательныхъ выводовъ. Такія сложныя историческія явленія, какъ народныя движенія, должны быть изучаемы путемъ всесторонняго обслѣдованія наивозможно большаго количества матеріала; въ изученіи подобныхъ историческихъ вопросовъ единственно умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ будетъ методъ *интенсивнаго* изслѣдованія. Однако и наши свѣдѣнія даютъ основаніе для нѣкоторыхъ выводовъ, которые будущими изслѣдованіями и матеріалами дополнятся и тщательнѣе обоснуются. Крестьянскія волненія—общее слѣдствіе крѣпостного права, какъ гражданскаго правового института. Крѣпостное право, какъ правовой институтъ, не было строго ограничено формальнымъ закономъ; расплывчатость и неопредѣленность границъ, которыя обхватывали бы всю совокупность отношеній крѣпостного и помѣщика, открывали выходъ своевольному и самостоятельному проявленію помѣщичьей власти. Слѣдовательно, крѣпостное право—*идеальная причина* крестьянскихъ волненій. Матеріальная малообезпеченность крестьянина, отсутствіе строгихъ юридическихъ нормъ, гарантирующихъ правовую защиту крестьянина,—вотъ непосредственные импульсы къ крестьянскимъ волненіямъ. Продажность администраціи, медленность функціонированія правительственныхъ органовъ, при недостаточномъ пониманіи общественныхъ и государственныхъ интересовъ, увеличиваютъ удѣльный вѣсъ тѣхъ постоянныхъ причинъ, которыя ведутъ къ крестьянскимъ волненіямъ.

Крестьяне не имѣютъ общихъ представленій объ отвлеченной свободѣ; понятіе о свободѣ личной и гражданской *не изначальное, а производное*, какъ слѣдствіе крѣпостного ярма. Формы проявленія крестьянскихъ волненій, а равно размахъ стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ условіямъ ихъ матеріальнаго и моральнаго положенія въ каждый данный моментъ, слѣдовательно, они индивидуальны. Однако, за вычетомъ всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя придаютъ крестьянскимъ волненіямъ специфическій, индивидуальный колоритъ, остается

нѣчто общее въ крестьянскихъ волненіяхъ: это—протестъ личности противъ моральнаго и матеріальнаго гнета. Въ крестьянскомъ самосознаніи разграничиваются интересы помѣщика-рабовладѣльца и интересы монарха. Монархъ блюститель высшей правды, высшей справедливости. Крестьяне—жертвы нарушенія этой справедливости; гармонія возстановляется свыше. Основаній для подобныхъ умозаключеній у крестьянина много: строгое отношеніе къ крестьянскимъ протестамъ и волненіямъ со стороны административныхъ властей и снисходительность къ помѣщичьей власти.

Администрація не могла отрѣшаться отъ представленія злой, врожденной, крестьянской воли, не умозаключала отъ частныхъ проявленій крестьянскаго неудовольства къ общимъ условіямъ, ихъ породившимъ; отсюда—усугубленіе общихъ условій ненормальной жизни крестьянства. Но административная власть усвоила правильную точку зрѣнія на крестьянскія волненія, какъ явленіе стихійнаго характера, и на основаніи этого понятія выработала тактику мирнаго воздѣйствія на волнующихся крестьянъ до предѣловъ возможнаго. Крестьянскія волненія въ царствованіе Александра I-го—постоянное явленіе общественной жизни, неизбѣжное слѣдствіе ненормальныхъ правовыхъ отношеній.

Сим. Аваліани.

Оттискъ изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1912 годъ.

Печатать дозволяется. Іюля 17 дня, 1912 г.
Ректоръ Академіи; *Епископъ Ѳеодоръ.*